

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск II

Лекции по военной истории XVI-XIX вв.

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург

2015

ББК 63.3(0)5 УДК 94

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

К.Л. Козюрёнок

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск. II. Лекции по военной истории XVI-XIX вв. — Ч. II. [Электронный ресурс] <<http://www.milhist.info/lecture>>

© www.milhist.info

© Филлюшкин А.И.

MILHIST

INFO

Филюшкин А.И.

Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг.

Гибель Ливонского ордена в 1561 г. не решила проблемы раздела Ливонии. Четыре зоны оккупации прибалтийских земель (польско-литовская, русская, шведская и датская) сформировались стихийно, в ходе военных действий и самозахватов. Наличие договоров последних правителей Ливонского ордена с правителями Польши, Литвы, Дании, Швеции особой легитимности этим захватам не прибавляло — ведь договоры все равно не признавались другими противоборствующими сторонами. Начинался новый раунд балтийских войн. На этот раз их участниками должны были стать победители в Ливонской войне 1556–1561 гг.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/02/10/filychkin_1

Ссылка для печатных изданий:

Филюшкин А.И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. - 2015. - Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI-XIX вв. — Ч. II. – С. 219-289 <http://www.milhist.info/2015/02/10/filychkin_1> (10.02.2015)

www.milhist.info

2015

А.И. Филюшкин

РУССКО-ЛИТОВСКАЯ
ВОЙНА 1561–1570 гг.

И

ДАТСКО-ШВЕДСКАЯ
ВОЙНА 1563–1570 гг.

Гибель Ливонского ордена в 1561 г. не решила проблемы раздела Ливонии. Четыре зоны оккупации прибалтийских земель (польско-литовская, русская, шведская и датская) сформировались стихийно, в ходе военных действий и самозахватов. Наличие договоров последних правителей Ливонского ордена с правителями Польши, Литвы, Дании, Швеции особой легитимности этим захватам не прибавляло — ведь договоры все равно не признавались другими противоборствующими сторонами. Начинался новый раунд балтийских войн. На этот раз их участниками должны были стать победители в Ливонской войне 1556–1561 гг.

1560-е гг. ознаменовались как интенсивной дипломатической борьбой, так и военным противостоянием по двум линиям: русско-литовской и датско-шведской. В результате на политической карте Европы возникло новое государство — Речь Посполитая, а Балтийское море на многие десятилетия оказалось под эгидой Швеции. Началось строительство Шведской империи, желавшей видеть Балтику своим внутренним «озером».

Дипломатическая подготовка к новым войнам в 1561–1562 гг.

В конце 1561 — начале 1562 гг. вхождение земель бывшего Ливонского ордена в состав Королевства Польского и Великого княжества Литовского получило юридическое оформление. Теперь наиболее острым был вопрос, как на это отреагируют соседние державы, прежде всего Россия. 30 января 1562 г. была составлена грамота от Сигизмунда к Ивану IV, которую поручалось отвезти посланнику Баркулабу Корсаку. Король призывал царя к поведению, соответствующему облику истинного христианского государя, обращал внимание на «*шкоды*», которые русские войска чинили литовским в Ливонии и районе Браслава и Мстиславских волостей, подчеркивал, что Польша и Литва, в отличие от России, верны данному слову и соблюдают перемирие. Сигизмунд предлагал начать новые переговоры для урегулирования всех спорных проблем.

9 марта 1562 г. Корсак прибыл в Москву. Он пытался добиться перемирия до июля или августа 1562 г., после которых, по мнению панов, война должна закончиться. Однако понимания он не нашел. 12 апреля Корсак был отпущен в Литву с государевым ответом. Царь обрушился на Ягеллона с гневными разоблачениями его двуличия, коварства, склонности к обману и клятвопреступлениям. В качестве доказательства к посланию была приложена трофейная польская грамота, перехваченная русской разведкой. В ней сообщалось, что Сигизмунд, призывая Россию к миру, одновременно просил у Крыма войска для войны с Россией. Король якобы обещал хану огромные деньги за нападение на русские крепости, чтобы «*над головами россиян татарская сабля бы не опускалась*». Захваченные города хану предлагалось грабить, после чего передавать во владение Литве.

Жест московских дипломатов для посрамления «*живого короля*», был, конечно, эффектный. Монарх, который призывает к единению христианских государей и апеллирует к христианским моральным ценностям, оказывается, втайне натравливает мусульман на православный народ! Плохо было только то, что подобные разоблачения, хоть и приносили сиюминутное моральное удовлетворение, никак не приближали решение главной проблемы: как урегулировать русско-литовские отношения после раздела Ливонии? Между тем, Литва начала всерьез

готовится к войне. Сигизмунд действительно планировал совместный удар по русской границе вместе с крымским ханом. На места литовским пограничным воеводам были разосланы грамоты, в которых их призывали быть внимательными, по ошибке не побить крымские отряды — татары будут идти не как враги, а как союзники. Объектом нападения крымцев Сигизмунд советовал выбрать Северщину. Таким образом, в 1562 г. король рассматривал план начала войны с Россией на юге, при помощи сил Крымского ханства. Судя по направлению удара, целью было бы возвращение Литве Северских земель.

Однако Россия в 1562–1563 гг. сделала несколько дипломатических ходов, которые на время нейтрализовали крымскую угрозу. Иван IV демонстративно заявил, что антитатарская политика 1550-х гг. была ошибкой, а ее организаторы — государственные изменники. Таковыми объявили уже покойного окольного Алексея Адашева, фактически возглавлявшего русскую дипломатическую службу в 1550-х гг., его коллегу дьяка Ивана Висковатого, к тому времени уже отошедшего от посольских дел, и Ивана Шереметева, победителя татар в битве на Судьбищах в 1555 г. В качестве жеста доброй воли в 1562 г. царь приказал скрыть Псельский город — русскую крепость на реке Псел, форпост, который фактически запирает татар в Крыму. Хан был очень изумлен, почему русские сами уничтожили столь выгодно расположенную крепость. Мусульманские дипломаты настойчиво интересовались этим, и получили в Москве гордый ответ: *«А у нашего государя городов много, и он, какие хочет, ставит, а какие хочет — разрушает»*. Переломной в русско-крымских отношениях должна была стать миссия посла Афанасия Нагого, подготовка к которой проходила в марте–апреле 1563 г. Он отправлялся в Крым с предложениями мирного договора. Главным пунктом в нем было заключение русско-татарского антилитовского союза.

Правда, из инструкции Нагому видно, что Москва не рассчитывала действительно заполучить хана в союзники. Главной целью было добиться мира на южной границе, получить гарантии ненападения татар и напугать Сигизмунда. Если при этом хан Девлет-Гирей еще и сделает несколько грабительских походов по южным землям Велико-го княжества Литовского, то будет совсем хорошо. Фантазия Ягеллона, что может случиться с его страной, если Москва и Крым будут действовать совместно, довершит остальное. Литва станет сговорчивей

и быстро заключит с Россией мир на выгодных условиях, что позволит победоносно завершить Ливонскую войну.

Оказавшийся между двумя державами, предлагавшими дружбу, крымский хан ощутил всю выгоду своего положения. Начался знаменитый «крымский аукцион» — когда татары вымогали и у России, и у Великого княжества Литовского богатые подарки и взятки в обмен на мир, нападения на противника, союзнические отношения. Крымцы и не скрывали, что будут дружить с теми, кто больше даст. Иными словами, дружбу, или по крайней мере лояльность хана, можно было купить. В отличие от Великого княжества Литовского, Москва здесь не предпринимала практически никаких усилий. С посольством Ф. Загрязского, предшествовавшем миссии А. Нагого, подарки — так называемые «поминки», прибыли *«на одной телеге и те средние»*, так что татарские дипломаты даже устыдились показать их хану. А Нагой привез в Крым только частные подарки и обещания *«великих поминок»*, что и вызвало оценку крымцами русских договорных грамот как *«сухих грамот»*, в которых нет никакого толку. Однако даже при подобной скупости Москвы нужный эффект был достигнут: правители Крыма увлеченно занимались торгом и вымогательством, поэтому, по крайней мере на время, крупномасштабного нападения на южные границы можно было не опасаться. Оно последует только в 1564 г., когда хан разочаруется в возможности получить большие деньги на «крымском аукционе».

Таким образом, Сигизмунду в 1562–1563 гг. не удалось сделать фактор татарской опасности всерьез значимым в русско-литовских отношениях. Тогда было решено еще раз попытаться договориться с Россией. Для этого были инициированы частные переговоры представителей русской и литовской знати, которые, мол, потом и должны *«подвигнуть государей»* на мир. 10 сентября 1562 г. началась переписка литовского гетмана Григория Ходкевича с наместником Юрьева Ливонского Иваном Петровичем Федоровым. Ходкевич выражал уверенность в необходимости быстрее заключения мира между Россией и Литвой ввиду роста шведской угрозы. Шведы уже захватили в Ливонии Пернов и осадили Виттенштейн. Федорову предлагалось ходатайствовать перед Иваном IV о мире. На время переговоров между боярами Ходкевич предлагал объявить в Ливонии перемирие.

Но диалога не получилось. Федоров согласился просить царя о мире, однако для этого предъявил те же требования, что и официальная русская дипломатия: Сигизмунд должен прекратить вмешательство в ливонскую проблему и прислать больших послов, чтобы они «*били челом*» Ивану IV о перемирии. Эти условия для короля были неприемлемы, и переговоры довольно быстро оказались свернуты.

Неудачей завершилась и миссия литовского посланника С. Алексева в ноябре 1562 г. Он передал грамоту от виленского архиепископа Валериана и виленского воеводы и земского маршалка Миколая Радзивилла, адресованную московскому митрополиту Макарию, боярам И. Д. Бельскому, Д. Р. Юрьеву и другим. Предлагалось заключить перемирие до приезда больших послов, которые должны договориться о границах и заключить вечный мир. Но первой послов должна была прислать Россия. На этом разговор и закончился. Макарий заявил, что в России церковь не вмешивается в дела светских правителей. Посол даже не смог уехать домой: его задержали под тем предлогом, что он может передать в Литву разведывательные данные о подготовке русских к войне.

Если русско-литовские отношения в 1561–1562 гг. не получили нового развития, то совсем по иному сценарию развивались русско-датские контакты. Дания прекрасно понимала, что именно Россия может признать ее приобретения в Ливонии, то есть сделать их легитимными. Ни Польша, ни Швеция никогда на это не пойдут. Поэтому для Москвы и Копенгагена 1561 год прошел под знаком земельных споров о разделе Ливонии. После Х. Мюнхгаузена роль хранителя и приумножателя датских владений в Ливонии принял на себя гапсальский наместник Д. Бэр. 30 апреля 1561 г. он обратился к русским воеводам в Везенберге с просьбой о возврате дворов Колк, Феgefир и Яковольт. При этом он ссылался на якобы существующий договор короля с русским царем о вечном мире и передаче Дании этих земель.

Проведя 1561 год в бесплодной переписке с русскими воеводами окрестных городов, безуспешно убеждая их покинуть «исконно датские земли», в ноябре–декабре 1561 г. Бэр обратился с несколькими посланиями к феллинским воеводам и к Ивану IV, в которых описывал предполагаемую датскую границу, за которую московиты не должны были вступаться. В нее он включил Вик, Эзель и Курляндию.

Замок Везенберг
Фото А.И. Филюшкина, 2010 г.

Вид с крепостных укреплений на окрестности Везенберга
Фото А.И. Филюшкина, 2010 г.

Городище Раквере, где располагается Везенберг

Русский гарнизон за годы пребывания в Везенберге развернул здесь большое каменное и деревянное строительство. Деревянные постройки не сохранились, но городищенский холм дает некоторое представление о масштабах укреплений вокруг замка.

Фото А. И. Филюшкина, 2011 г.

Реакция московской стороны на заявление Д. Бэра напоминает курьез: то ли воеводы действительно поняли из грамоты только то, что датчанин описывает какие-то земли, то ли они сознательно извратили смысл послания гапсальского наместника. Но феллинский воевода радостно отписал царю, что только что получил от гапсальского наместника предложение... сдаться на милость государя со всеми землями, подвластными Дании в Ливонии!

29 декабря 1561 г. и 16 января 1562 г. Д. Бэр повторил свое письмо с комментарием, что его, наверное, не так поняли. Одновременно он жаловался на нападения детей боярских на принадлежащие Дании деревни, например, Серенкуль. О реакции русских воевод неизвестно, но вряд ли она сильно отличалась от восприятия предшествующих посланий Бэра.

Замок Гапсаль

Фото А.И. Филюшкина, 2010 г.

Таким образом, в 1560–1561 гг. Дания предприняла попытку «ползучего» захвата земель в Северной Эстляндии, которая осуществлялась по принципу: датской короне принадлежат те земли, которые ей удастся подчинить. Этой цели пытались достичь путем высадки отряда Магнуса, деятельности Х. Мюнхгаузена и Д. Бэра. Центром датских владений в Ливонии первоначально, при Мюнхгаузене, был Ревель, а затем, при Бэре — Гапсаль. Однако малочисленные датские отряды оказались не в состоянии конкурировать с русскими дворянами, которые самовольно вторгались в деревни, грабили, «свозили» имущество и крестьян, облагали их данью, обещая в обмен защиту. Крестьяне, видя силу московских войск, подчинялись им охотнее, чем датчанам — русские могли и прибить, но могли при случае и реально защитить.

Таким образом, на уровне военачальников и местных воевод борьбу за Ливонию Дания проигрывала. Поэтому она стремилась перенести решение вопроса на переговоры на уровне монархов. Решение о них

Интерьеры замка Гапсаль

Фото А. И. Филюшкина, 2010 г.

Фредерик принял в марте 1562 г. В грамоте, адресованной Ивану IV, король обозначил свое принципиальное стремление к любви и приятельству, высказав настойчивое пожелание мира русских воевод с Магнусом и Д. Бэрм.

Принципиальной несовместимостью русского и датского подходов на переговорах июля 1562 г. стала разница в оценке статуса Ливонии. Датчане исходили из того, что эта земля «*розделены*», поэтому просто ее надо доделить, оговорив, кому что принадлежит. Москва же считала всю Ливонию единой и неделимой государевой вотчиной, а земли, занятые войсками других государств — либо незаконно захваченными Литвой и Польшей, либо временно пожалованными русским государем другим правителям, например, датскому герцогу Магнусу. Поэтому делить, конечно, можно, но это в любом случае будет не собственность датской короны, а милостивое пожалование из рук московского царя.

Замок Аренсбург, резиденция датского герцога Магнуса на острове Эзель
Фото А. И. Филюшкина, 2012.

Данию же такая постановка вопроса категорически не устраивала, ибо отсюда было недалеко и до признания Ивана IV «*господином*» Фредерика, чего русская сторона не очень настойчиво, но добивалась. Поэтому датчане выдвинули свое обоснование прав на Ливонию, на этот раз на более понятном для москвитов языке. Именно датские короли в древности крестили Эзель, Куршскую и Лэттскую земли, а вот новгородские и псковские короли несправедливо напали на эти территории и брали с них откуп. Раз датчане спасли Ливонию «*от безверности*», то у них прав больше, чем у русских, которые только «*мечем брали*». Дания исторически претендует на Эстонию, Гарриен, Вирланд, Вик, Эзель, Курляндию, города Ревель, Ракобор, Нарву, Колк. На то, что это датские владения, указывает даже городская символика — например, у Ревеля на знамени датское клеймо, три льва.

Аренсбург

Фото А. И. Филюшкина, 2012 г.

Аренсбург — единственный замок в современной Эстонии, где в более-менее целом виде сохранились замковые интерьеры. Мы можем себе примерно представить, как выглядели замковые покои и как жили аристократы в Ливонии, «которую мы потеряли»
Фото А. И. Филюшкина, 2012 г.

Однако старания посланников Копенгагена были сведены на нет тем фактом, что русские дипломаты их просто не понимали, или же специально занимали такую «непонимающую» позицию. Так, А. Д. Басманов спросил: датский король хочет «Эстонию», а что это такое? Русские называют свою вотчину «Юрьевской державой», никакой «Эстонии» им неизвестно. Московиты категорически отказались даже взглянуть на привезенные послами грамоты о за-кладах, которые делали в Дании эстонские, ревальские и нарвские купцы. По мнению московских бояр, все жители Ливонии, в том числе и торговцы, отныне являются холопами Ивана IV, поэтому любые грамоты, данные ими без ведома своего господина, не имеют силы. Их нечего и смотреть, послы пусть больше таких грамот и не показывают.

16 июля 1562 г. датские послы предъявили конкретный перечень ливонских земель, которые они хотели закрепить за короной по русско-датскому договору. Они уже были согласны, чтобы в документе передача территорий была оформлена как жалованная грамота русского царя. По крайней мере, так зафиксировано в русской посольской книге. А вот что в реальности стояло за этим решением: позиция датчан в отношении Ивана IV «чем бы дитя ни тешилось», или действительная уступка — сказать трудно.

18 июля начался утомительный торг, который московские дипломаты вели в своем излюбленном стиле: после изматывающих дебатов идти на крошечные уступки с видом, будто бы русский царь поступает последним и это его конечная воля. Тактика была рассчитана на то, что у иностранных послов не хватит терпения. Сперва Москва легко рассталась с островами Дагданом, Моном, Аброй и Шкитом. Изумленные датчане указали, что эти острова и так уже заняты датскими войсками, чем же тогда в реальности жертвует Россия?

Чтобы переговоры пошли динамичнее, дипломаты датского короля 18 июля заявили, что в обмен на земли в Ливонии готовы помочь России в ее противостоянии Польше и Швеции. Однако датчане просили вернуть земли, уже розданные русским помещикам. Новых землевладельцев надо было «сводить», что Москва считала в принципе невозможным. Ей легче было отдать города и крепости, чем розданные поместья. В ходе переговоров Иван IV «поступился» городами Апслон, Додом, Леялом с девичьим монастырем, монастырем Падесом, Старой Перновской слободой и двором Коккокеком, а затем — дворами Фюгефелем и Яколом. Камнем преткновения остались только Старый и Новый Колки, которые русские никак не хотели отдавать, предлагая даже заключить перемирие без окончательного решения вопроса о Колках.

27 июля 1562 г. в переговорах наступил новый этап. Русская сторона, видимо, решив, что послы достаточно измотаны предыдущими мелочными торгами из-за каждого двора, заявила, что сделает почти все территориальные уступки, кроме Колков, которые желает датский король. Но в перемирную грамоту должны быть вписаны как принадлежащие России Рига, Пернов и все другие, еще не завоеванные Москвой ливонские города. Датчане заявили, что они не осмелятся подписать

подобный договор. Далее развернулись дебаты о сроках перемирия, в которых стороны состязались в остроумии: русские предложили перечислить в договоре общих врагов *«поименно»*, мол, без этого заключать «вечный мир» нельзя. В этом случае возможно лишь перемирие на 2–3 года. Датские послы ответили, что «вечный мир» никому и не нужен, Данию вполне удовлетворит временное перемирие, но на 100 лет. Постепенно стороны снизили взаимные претензии: датчане были готовы удовлетвориться 50 годами, а русские подняли срок до 5–6 и один раз — даже до 10 лет.

Подоплека действий московских дипломатов была проста. Они добивались того, чтобы Дания либо стала реальной союзницей против Польши и Швеции, либо хотя бы дала гарантии своего невмешательства в ливонский конфликт на их стороне (не помогать деньгами, не давать наемников и т.д.). На это Копенгаген был, в принципе, согласен. Но на церемонии подписания договорных грамот 2 августа 1562 г. возник новый спор: датчане обнаружили, что в тексте грамоты русскими записаны некоторые города, которые в реальности в тот момент находились в руках Польши и Швеции. А.Д. Басманов возмущенно возразил, что вы же сами хотели поделить Ливонию. Вот мы и поделили, вам — Северную Эстляндию, нам — все остальное. Города и мызы, отходящие к Дании, в грамоте записаны поименно, точно также надо записать и русскую долю.

Послы оказались в довольно затруднительном положении, что выразилось в их поспешном ответе Басманову: *«мы не противоречим, не выступаем»*. Ведь Дания добилась практически всего, чего хотела, исключая нерешенный вопрос о Колках. Однако закрепить договором права России на Ригу, Венден и другие города означало угрозу втягивания Дании в войну — и Польша, и Швеция расценили бы этот жест как враждебный. Последствия такого шага могли быть непредсказуемыми. Поэтому послы отказались утверждать русский вариант грамоты.

Это чуть не привело к срыву переговоров. Иван IV велел послам подумать, а своим боярам распорядился, что если города не будут вписаны поименно, переговоры прервать. 2 августа стороны сделали попытку найти компромисс. Датчане сказали, что готовы включить в договор пункт, что им *«нет дела»* до русских завоеваний в Ливонии, что у московского царя *«свое дело»* с польским и шведским королями.

Иван IV, в свою очередь, предложил Дании... раздел Польши и Швеции. Он заявил, что не возражает против завоевания Фредериком польских Гданьска, Торуня, Хвойницы, шведских Стокгольма, Выборга, Або, Разбора и Нового Торговища. Царь также обязывался отдать Дании часть будущих русских завоеваний в Ливонии, которые будут территориально примыкать к Эзелю и Вику. Взамен датчане должны будут отдать России те города «из русского листа», которые они завоюют в Ливонии. Особенно Ивана IV заботили права на Ригу и Венден (Кесь).

Решение проблемы было найдено 4 августа, и оно демонстрирует, сколь малое значение в XVI в. на практике имели договоры. Бояре предложили составить два варианта грамоты: датский, в котором о правах Ивана IV на Ливонию будет сказано в общих выражениях, и русский, в котором города будут расписаны «поименно». Не все ли равно Фредерику, что именно написано в договоре, лежащем в московской казне? Пришедшие в полный восторг датские дипломаты заверили, что абсолютно все равно, они полностью согласны на этот вариант. 7 августа 1562 г. Иван IV присягнул на подписанных перемирных грамотах.

Заключение русско-датского договора решили отпраздновать отпуском из московских тюрем пленных датчан, схваченных в Ливонии в качестве военных наемников. Таковых нашли пять человек. Их и отдали послам, а в качестве подарка каждому освобожденному датчанину дали... по пленному татарину, крымцу или ногайцу, извлеченному из той же тюрьмы.

Результаты московских переговоров 1562 г. были положительными для обеих сторон. Дания добилась закрепленного в международном акте официального оформления прав на ту часть Ливонии, которую уже фактически захватила. Копенгаген получил гарантии неприкосновенности этих земель со стороны главного источника военной опасности в регионе — России. Дания достигла договоренностей о прямой морской торговле с русскими, минуя всяких посредников. Каждый из этих пунктов, несомненно, был Фредерику выгоден.

Для Москвы же главным было обещание Дании не вмешиваться в ливонский конфликт военным способом и никак не поддерживать в нем противников России. Насколько серьезно Иван IV относился к перечислению в русском варианте грамоты ливонских городов, предназначенных к захвату, сказать трудно. Упорство, с каким добивалась

Иван Грозный в 1563 г.
Немецкая гравюра

Датский король Фредерик II
Гравюра М. Лорка, 1582 г.

этого пункта русская сторона, вроде бы свидетельствует о важности данного акта. С другой стороны, московские дипломаты не могли не понимать, что клятвы монархов, да еще и на грамотах с разным содержанием, стоят немногого. Так или иначе, но появился первый международный документ, в котором вся Ливония объявлялась законным владением царя.

В середине сентября 1562 г. в Данию выехало посольство А. М. Ромодановского для подтверждения (ратификации) договора. Камнем преткновения на переговорах в Копенгагене, длившихся с 3 ноября по 6 декабря 1562 г., стал вопрос о принадлежности Колков. Русские дипломаты проявили слабость, и когда датчане пригрозили разрывом договора, отдали Колки на датских условиях. 3 декабря 1562 г. король Фредерик утвердил соглашение с Москвой. Договор с Данией открывал путь к осуществлению проекта «Русской Ливонии», и потеря двух городков была не смертельной.

Однако уже в 1563 г. возникла коллизия, требующая новых переговоров с Россией. В Ливонии всю хозяйничали шведы, захватывая один город за другим, в том числе и те, на которые претендовала Дания. В какой-то степени здесь русская дипломатия оказалась прозорливей, изначально предлагая Дании совместные военные действия против недругов. В июле 1563 г. Фредерик принял решение отправить послов к Ивану IV для договора о совместном противостоянии Швеции. Дания заявляла о своей готовности напасть на Ревель, Пернов и Пайду, прося Москву не вмешиваться в конфликт, не расценивать это нападение как нарушение прежних договоренностей, поскольку в русском-то варианте грамоты эти города были записаны в *«цареву сторону»*.

Однако теперь Россия не спешила идти навстречу Дании. Посол Захария Веллинг, прибывший в Россию в ноябре 1563 г., *«безделно»* просидел до 4 февраля 1564 г., и только тогда был впервые принят царем. Второй прием состоялся 6 февраля, а третий — вообще только 27 апреля. Причиной затяжки, видимо, была запутанная ситуация с русским землевладением в районах Ливонии, на которые претендовали датчане. Помещики расставаться с новообретенными владениями не спешили, а власть их не слишком торопила. Дошло до того, что юрьевские воеводы стали обкладывать данью соседних *«королевских мызников»*. Они объясняли, что эти мызники — изменники, сперва оказались в подданстве

Ивана IV, а потом предали своего господина и бежали к датчанам. Так что в их отношении все делается совершенно справедливо.

27 апреля Веллинг получил отказ по всем пунктам — союз «для добывания городов» России не нужен, она сама справиться со всеми врагами, посредничества в переговорах с Сигизмундом Ивану IV тоже не требуется. Русские дипломаты заявили, что: *«мы с Божьею помощью против своих недругов можем сами стояти и недружбу им доводить, сколько нам милосердый Бог помочи подаст, а кроме Божьей помочи, ни от кого помочи не ищем»*. Москва отказалась даже выдать пленных датских наемников, воевавших на стороне Литвы — они враги, их можно выкупить, но никакая «дружба с Фредериком» не сможет облегчить их участи. 6 июля Веллинг «ушел за море», увозя с собой только новую проезжую грамоту на следующего датского посла.

Дипломатическая подготовка в начале 1560-х гг. развязала и России, и Дании руки для нового витка балтийских войн. В то же время, эти события убедили и Польшу, и Литву, и Швецию, что судьба Прибалтики будет решаться только силой оружия. Вялотекущие боевые действия в 1561–1562 гг. не прекращались практически ни на один месяц, а с 1563 г. они приняли гораздо большие масштабы. Россия вторглась на территорию Великого княжества Литовского, а между Швецией и Данией вспыхнула война на море.

Военные столкновения между Россией и Великим княжеством Литовским в 1561–1562 гг.

Боевые действия между Россией и Литвой начались в августе 1561 г. на территории Ливонии. Не дожидаясь окончания срока перемирия, литовский отряд напал на крепость Тарваст. После осады город был взят, гарнизон пленен. 1 сентября русских воевод, пограбив, с позором отпустили восвояси. Высланные на помощь московские войска под командованием В. Глинского и П. Серебряного настигли отряд литовцев и разбили их под Перновом. Потерянный Тарваст был сожжен «по государеву приказу».

Таким образом, в Прибалтике стороны обменялись ударами. Однако этим столкновения не ограничились. В том же августе 1561 г. войска Великого княжества Литовского вторгались в керепетские и юрьевские места, в Новгородский уезд.

Развалины крепости Тарваст

Фото А. И. Филюшкина, 2011 г.

Здесь необходимо отметить, что в русско-литовских войнах XV–XVI вв. всегда было как бы два уровня конфликтов. Первый — это война между государями и их армиями. Второй — это практически никогда не затихавшее противостояние российских дворян и шляхты Великого княжества Литовского в пограничных землях. Государственные рубежи, несмотря на все договоры, были нечеткими. Местным жителям было виднее, где в действительности проходит граница. Возникали многочисленные «споры на меже»: взаимные набеги, грабежи, сжигание деревень, потрава посевов, увод в плен крестьян, захват скота. В периоды перемирия между Россией и Литвой таких конфликтов было меньше, потому что власти теоретически должны были с ними бороться, хотя на практике и закрывали на это глаза. Когда же начались официальные войны, то местные дворяне, чувствуя поддержку и одобрение государства, пускались во все тяжкие.

Место расположения городища Дубровны на реке Днепре

Фото А.И. Филюшкина, 2014.

Подобный всплеск пограничных конфликтов и приходится как раз на начало 1560-х гг. В январе 1562 г. Смоленский воевода М. Я. Морозов воевал Мстиславльские волости. 25 марта из Смоленска была отпущена «*рать*» на Литву. Удар направлен на Оршу, Дубровну и Мстиславль. У Орши сожгли слободы, у Дубровны — посад. Одновременно из Стародуба был совершен рейд отряда под командованием путивльского наместника Г. Мещерского. Целью был погром Могилевских, Чечерских и Пропойских мест.

Май–июнь 1562 г. для Великого княжества Литовского выдались трудными. 21 мая сам Иван IV выступил в поход на Литву. Войско под его командованием двинулось из Москвы к Можайску. Неприятности происходили и в Ливонии: 21 мая шведский отряд осадил Пернов и 28 мая взял его.

28 мая от Великих Лук русский отряд напал на Витебск, сжег посад и окрестные деревни. На обратном пути был уничтожен посад

«Красная башня» в Пярну. Единственный фрагмент средневековых укреплений, оставшийся от древнего Пернова
Фото А. И. Филюшкина. 2012 г.

Городище Опочка

Фото А. И. Филюшкина, 2010 г.

у города Суража. Из-под Дорогобужа русские дворяне ходили в поход под Мстиславль, захватили небольшой полон в 50 человек. В июне — первой половине июля русские войска громили посады пограничных литовских городов от Киева до Витебска и Полоцка. Литва, в свою очередь, напала на Опочку, но горожане отбились «за *надолбами*». Войска Великого княжества повоевали семь волостей, Себежчину, и пожгли монастыри.

В августе из Смоленска в под Мстиславль ходил отряд под началом П. Серебряного и В. Глинского. Они достигли рек Дриссы и Двины и вернулись к Опочке. Под городом Невелем состоялась битва полка А. М. Курбского с литовцами, закончившаяся вничью. В августе—сентябре русские войска нападали на Мстиславль, Кричев, Любеч, Гомель, Дубровну, Оршу, Витебск, Полоцк, Озерище, Друю, Дриссу. У Витебска и Дубровны были сожжены остроги. Литовцы из Влеха вторглись в Псковскую землю, погромили волости Муравеино, Оба Овсище, Коровий Бор. Был взят большой полон.

В сентябре–октябре продолжилось продвижение в Ливонии шведов. Они взяли отошедший к Дании город Апсель и села до города Лоде. После короткой осады они овладели Пайдой, выгнав оттуда литовцев, и *«другие городки позасели»*.

Таким образом, в 1561–1562 гг. война развивалась по двум сценариям. В русско-литовской пограничной зоне обе стороны применяли тактику грабительских набегов и разорений, которая вела к подрыву экономического и военного потенциала противника. В Ливонии же и Россия, и Великое княжество Литовское прекратили активные боевые действия. Целью этих держав было удержать уже захваченные владения. Швеция, напротив, вела завоевательную политику и претендовала на передел Ливонии.

Такие вялотекущие стычки и взаимные набегии могли бы длиться довольно долго. Однако в 1563 г. Россия нанесла мощный удар, резко изменивший ситуацию на русско-литовском фронте.

Взятие Полоцка, 1563 г.

В ноябре 1562 г. в Москве было принято решение о подготовке крупномасштабного похода на один из крупнейших городов Великого княжества Литовского — Полоцк. Выбор его как объекта главного удара был обусловлен несколькими причинами. Полоцк был крупнейшей крепостью на пути от русской границы к столице Великого княжества — Вильно. С его падением московская конница выходила на Виленскую дорогу, и мог быть поставлен вопрос о покорении всей Литвы. Кроме того, если посмотреть на карту московско-литовских столкновений в XVI в., то видно, как зоны боевых действий постепенно перемещаются от южных рубежей (Черниговщины и Северщины) на север, к Смоленску и Орше. К 1560-м главным регионом, в котором еще не произошло урегулирование отношений путем большой войны, был как раз район Полоцка и Себежа.

Противоречий же здесь накопилось немало, и они были уже застарелыми. В 1542–1543 гг. происходили взаимные захваты полоцких и себежских земель литовскими дворянами и новгородскими детьми боярскими. На межгосударственном уровне власти пытались размежевать рубежи мирным путем с помощью присылок специальных комиссий. Определенные договоренности были достигнуты, с обеих

Городище Себеж, с видом на озеро

Фото А.И. Филюшкина, 2012 г.

сторон готовились судьи, которые на месте должны были *«разъехать»* рубежи, но к 1544 г. процесс был сорван, и, как водится, в этом каждая сторона винила проитвоположную. Вопросу о Себежских землях было посвящено специальное литовское посольство Станислава Едровского в 1550 г. В декабре 1550 г. с ответом в Литву уехал гонец Яков Астафьев, но ничего существенного, кроме декларации о намерениях выслать судей и тому подобное, в посланной с ним грамоте не содержалось.

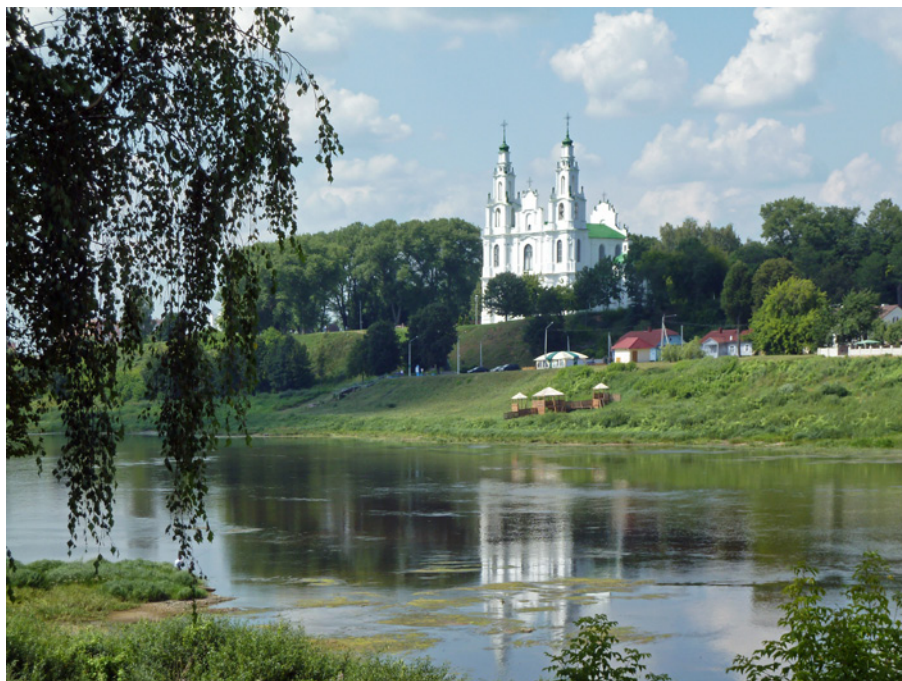
Россия все 1550-е откровенно затягивала решение себежского вопроса. В сентябре 1553 г. литовцы даже поставили условием продления перемирия урегулирование стихийно возникших территориальных споров в Полоцко-Себежских землях. Русские бояре, верные своей тактике проволочек, опять предложили назначить съезды судей на полоцко-себежских рубежах на 1555 г. В грамоте от 25 сентября 1559 г., присланной с А.И. Хоружим, Сигизмунд вновь поднял вопрос о необходимости разъезда спорных земель и перечислил происходившие

на них в последнее время конфликты. В этих спорах и были посеяны грядущие семена войны за Полоцк, Себеж, Невель, Заволочье, Великие Луки, Сокол и прочие города полоцко-новгородского пограничья.

Другая причиной выбора Полоцка в качестве объекта нападения была идеологической. Еще в 1513 г. Россия пыталась предложить Священной Римской империи признать свое право на Киев, Полоцк и Витебск, в обмен на признание права имперских войск на вторжение в Прусские земли, захваченные Ягеллонами. Начиная с 1517 г. Полоцк упоминается практически во всех случаях декларирования Москвой территориальных претензий на «исконно русские земли», завоеванные Великим княжеством Литовским. Хотя вплоть до Ливонской войны эти декларации Россией никогда не претворялись в жизнь, а служили, скорее, средством дипломатического давления на Литву, нападение на Полоцк в 1563 г. произвело грандиозный политический эффект. Оно наводило поляков и литовцев на страшные мысли, что русский царь перешел от слов к делу, и за Полоцком последуют Киев и Вильно...

30 ноября войска двинулись из Москвы. Армия шла через Можайск и Торопец к Великим Лукам. 5 января Иван IV во главе главных сил прибыл в Великие Луки, сюда же подошли остальные отряды. 10 января 1563 г. войска начали выходить из Лук и двигаться к Полоцку. В большом полку значилось 2929 детей боярских, 1629 татар и 1295 казаков. Полк правой руки состоял из 2027 детей боярских, 966 служилых татар и мордвы, 1009 казаков. Передовой полк включал в себя 1900 детей боярских, 940 служилых татар и 1046 казаков. Полк левой руки — 1900 детей боярских, 933 татарина и 605 казаков. Сторожевой полк — 1855 детей боярских и 1111 человек татар, мордвы и мещерских бортников. Наряд — 1433 детей боярских и 1048 казаков. Таким образом, всего в войске было около 30000 человек. Это был один из крупнейших заграничных походов русской армии в XVI в.

К середине XVI в. Полоцк являлся довольно крупным и хорошо укрепленным центром Великого княжества Литовского. Его оборонительные сооружения состояли из рва, вала, бревенчатой крепостной стены и девяти башен от четырех до семи метров высоты. Башни носили имена: Устейская (в устье реки Полоты), Мошна (в излучине Полоты), Экиманская, Освейская, Софинская и так далее. На стенах и башнях располагалось несколько десятков орудий. Общая длина валов

Вид из-за реки Западной Двины
на городище Верхнего замка в Полоцке и Софийский собор
Фото А. И. Филюшкина, 2014 г.

и ровов, окружавших город, к середине XVI в. по периметру составляла около четырех километров — немало по меркам того времени.

Иван IV приказал армии вести все продовольствие с собой, не допускать по мере продвижения грабежа местного населения. Сделано это было для соблюдения относительной скрытности похода: начини московское войско громить окрестности, слухи о ней распространились бы быстрее, чем при стремительном марше к Полоцку. Однако скрыть поход армии в несколько десятков тысяч человек было все равно невозможно. Тем более, что нашлись и изменники — к литовцам бежал воевода Богдан Хлызнев-Колычев.

Но удар все равно оказался для короля Сигизмунда совершенно неожиданным. Он не смог ничем помочь Полоцку. Вооруженные силы Великого княжества Литовского оказались не в состоянии отразить вторжение. Король вообще ограничился заявлениями о великом

Валы городища в Полоцке. Верхний замок

Фото А. И. Филюшкина, 2014 г.

испытании и моральной поддержке, гетман Литвы Миколай Радзивилл начал собирать полки, но под Полоцк им было не успеть. К моменту начала осады в наличии было всего 2000 литовских воинов и 400 поляков. Городской гарнизон оказался брошен на произвол судьбы. Положение воеводы Полоцка Станислава Довойны осложнялось еще и тем, что под защиту городских стен прибыло несколько тысяч беженцев из всей городской округи. В случае долгой осады это означало, что запасов продовольствия хватит ненадолго, так что помощи Радзивилла можно и не дожидаться.

Иван Грозный отправил в Полоцк посла с предложением сдачи и перехода в подданство России на тех условиях, на которых захотят сами полочане. Горожане посла убили. 30 января сам царь ездил на рекогносцировку, а 31 января началась расстановка полков вокруг крепости для осады и штурма. Первоначально предполагалось атаковать

Немецкий «Летучий листок» со стилизованным изображением штурма Полоцка
1563 г.

укрепления по льду реки Полоты, со стороны водоема, где они были слабее, чем со стороны поля. Но на Полоте оказался слишком тонкий лед, и гнать по нему пехоту и конницу под огнем неприятельской артиллерии было рискованно. Тогда полки были сосредоточены против городских стен полоцкого посада. Им было приказано строить из дерева и земли осадные укрепления — туры. За турами размещали осадную артиллерию.

Некоторая заминка в подготовке штурма была связана как с постройкой туров, так и с вестями, что для спасения Полоцка движется войско Радзивилла. Не имея достаточно солдат, гетман распускал слухи, будто бы у него 40000 воинов и они скоро атакуют москвитов. На самом деле, немногочисленный литовский отряд благоразумно держался на расстоянии 8–10 километров от крепости, не рискуя приближаться ближе. Все воинские подвиги, которые за ним числились — победа над несколькими малочисленными разведывательными разъездами московской конницы.

Однако известие о подходе сил Радзивилла весьма обеспокоило московское командование. Против него был послан крупный отряд

**Kurtze Abschrifft vnd
Verzeichnus / des grossen vnd gewaltigen
Feldtzugs / so der Moschobiter für
Polokko in Littawen / den 31.
Januarij / dieses LXXIIII.
Iars gebracht hat.**

**Iwan Wasilyes
senr. vnd Mor**

**witz Grossfürst in Russ
schlaw.**

Немецкий «летучий листок» 1563 г. о взятии Полоцка

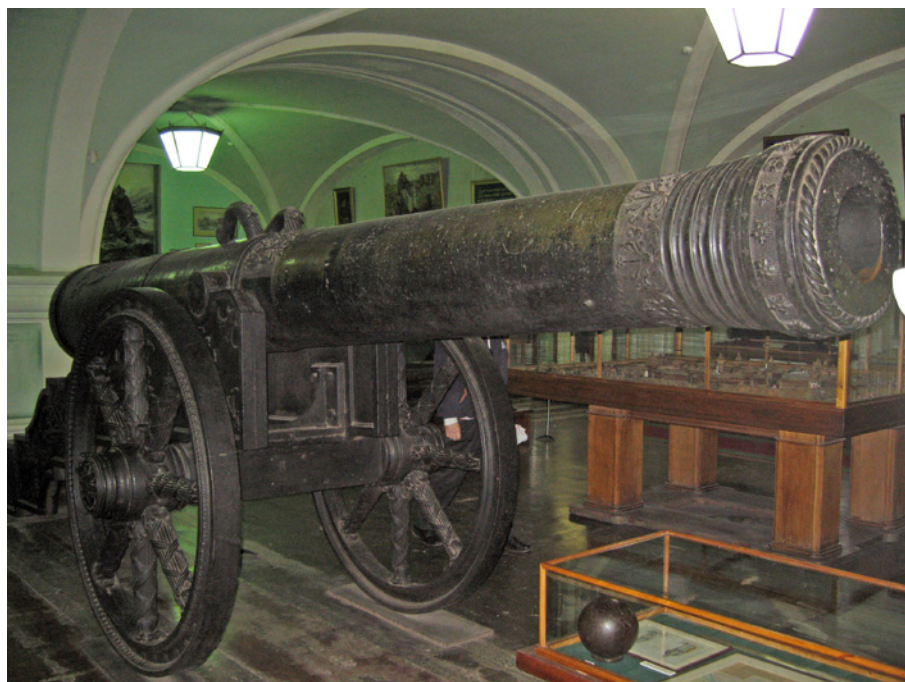
Warcafftige vnd Gr= schreckliche Zeytung / von dem grausamen Feynd dem Moscowiter.

Немецкий «летучий листок» 1563 г. о взятии Полоцка

во главе с царевичем Ибаком, воеводами Ю. П. Репниным и А. И. Ярославовым. От столкновения Радзивилл уклонился, и ушел подальше от зоны боевых действий. Русское войско вернулось с известием, что противник отступил.

Пока шел сбор информации о Радзивилле, основные силы русской армии начали штурм города. Первая его попытка была предпринята

Пищаль «Единорог», участвовавшая в штурме Полоцка в 1563 г.
Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
в Санкт-Петербурге

5 февраля. Стрельцы под командованием Ивана Голохвастова подожгли крепостную башню над Двиной, взяли ее и вошли в острог. Однако не удержались в городе и отступили. Крупнокалиберные орудия еще не были установлены на позициях, поэтому до вечера 5 февраля Полоцк обстреливала легкая и средняя артиллерия. Однако хватило и её: полочане запросили переговоров о сдаче.

Переговоры, длившиеся с 6 по 8 февраля, получились странными. С одной стороны, обе стороны сознательно тянули время. Русским надо было установить на позициях тяжелую артиллерию, а воевода Довойна рассчитывал на прибытие Радзивилла. С другой, успех на переговорах был все же возможен: в Полоцке была довольно влиятельная прослойка православного населения, готового на компромисс с московским царем. Для Ивана IV было бы даже значимей, если бы Полоцк склонил свою голову без боя — это бы означало, что деморализованное

Изображение единорога на одноименной пищали,
принимавшей участие в штурме Полоцка
Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
в Санкт-Петербурге

население Великого княжества Литовского готово признать власть православного государя.

В итоге переговоры закончились неудачей. Довойна так и не смог решиться на принятие русских условий, а московские воеводы за время паузы успели подвести туры под самые городские стены и изготовить к стрельбе тяжелые орудия. 8 февраля переговоры были прерваны, и заговорила артиллерия. Как писали современники, начался такой пушечный гром, что, «казалось, небо и вся земля обрушились» на Полоцк. Крупнокалиберные ядра буквально взламывали стены, разрушали строения в городе. На посадке вспыхнул страшный пожар, уничтоживший почти 3000 дворов. По разным данным, возгорание случилось от огня

русской артиллерии, или от поджогов, сделанных по приказу воеводы Довойны. Воевода решил отвести свои силы в замок, а для этого будто бы и приказал сжечь посад. Так или иначе, одновременно с пожаром начался второй штурм города. Русские дворяне под командованием Д.Ф. Овичины и Д.И. Хворостинина, пройдя через пылающие улицы, «втоптали» польский гарнизон в замок, но взять его не смогли.

Таким образом, к 9 февраля город был частично взят. Жители начали сдаваться. К московским войскам вышло, по разным данным, от 11 до 24 тысяч человек, в основном посадских людей и населения сельской округи, укрывшегося в Полоцке еще до начала осады. Однако крепостные стены оказались ненадежной защитой от огня русской артиллерии, а оставаться в зоне боевых действий и артобстрелов для мирных жителей было бы безумием.

С 9 по 11 февраля тяжелая артиллерия и туры переносились «на пожженое место», на пепелище полоцкого посада, к стенам замка. Непрерывный огонь длился несколько суток. Его интенсивность достигала такой силы, что отдельные ядра пролетали территорию замка насквозь и ударялись в противоположную стену изнутри. Горожане прятались от огня в погребах. Гарнизон занимался не обороной, а тушением очагов пожаров. Но их было слишком много, и в конце концов полоцкий замок оказался объят пламенем. Артиллерийским огнем было разрушено 40 укрепленных участков стены («городен») из 204, составлявших укрепления замка. Было очевидно, что падение полоцкой цитадели — только вопрос времени.

Защитники Полоцка вели себя мужественно, даже делали вылазки, чтобы разрушить русские осадные укрепления. Но этого сделать не удалось, зато после каждой контратаки силы оборонявшихся таяли. Утром 15 февраля 1563 г. городские ворота открылись, и из них вышла процессия православных священников во главе с епископом Арсением. Так Полоцк объявил о своей сдаче. В результате переговоров, длившихся до вечера, Иван Грозный пообещал не трогать защитников города. После достижения договоренности о правилах сдачи навстречу русским полкам из Полоцка вышло «3907 мужского полу, а жонок и девок 7253 и обоего [пола] 11160 человек».

Свое слово государь сдержал частично. Героически сражавшийся польский гарнизон был отпущен с развернутыми знаменами и оружием

в руках. Командиры-ротмистры получили от Ивана богатые дары — соболиные шубы, подшитые драгоценными тканями. Репрессии сперва не коснулись и городских жителей православного или католического вероисповедания, однако затем часть горожан была уведена в Москву, в плен. Согласно ходившим в Литве слухам, вошедший в Полоцк татарский отряд вырезал попавшихся под руку монахов-бернадинов. А полоцкие евреи, не пожелавшие принять крещение, были утоплены в реке. Так ли это — неизвестно, но современники из уст в уста передавали страшные «легенды о полоцких казнях» русского царя.

В городе был оставлен русский гарнизон во главе с князьями И. П. Шуйским, П. С. Серебряным и В. С. Серебряным. 27 февраля Иван IV покинул свои новые владения и пошел к Москве.

Победа Ивана Грозного под Полоцком в 1563 г. явилась наивысшим успехом России на литовском фронте. Полоцк оказался самой дальней точкой русского продвижения на западном направлении в XVI в. После его взятия 15 000 русской и татарской конницы вышли на виленскую дорогу, теперь между ними и столицей Литвы не было крупных крепостей. Литовцы боялись, что русские соберутся и ударят на столицу, а оборонять ее, как уже показала практика, фактически было некому. В Польше и Литве ходила легенда о «серебряном гробе», который Иван Грозный после полоцкой победы якобы заготовил для короля Сигизмунда. Воины Ивана IV занимались грабежом и погромами окрестностей Полоцка в направлении Вильно. Банальное мародерство сочеталось с тем, что *«во инишие именья и села уступают и посегают, и людей на присягу приводят, а иных в полон берут»*^{*}. Захваченные земли и крестьян дети боярские *«тянули к Полоцку»*.

Полоцк стал новым центром московской колонизации бассейна реки Западной Двины. Причем инициатива продвижения вглубь литовских владений исходила не от Москвы, а от местного дворянства, использовавшего благоприятную ситуацию для земельных и имущественных захватов. Делалось это с одобрения Ивана IV, еще в феврале разрешившего дворянам делать любые территориальные приобретения в Полоцкой земле. 29 ноября 1563 г. в грамоте к Сигизмунду,

^{*} *«В иныи именья и села вступают и посягают [на их собственность], и людей приводят к [невольным] клятвам верности, а [тех, кто не даст такой клятвы,] берут в плен.»*

посланной с литовским гонцом А. И. Хоружим, царь дал ответ на претензии разоренных панов: «*Что ни есть в Полоцком повете чье ни буди, то все наше*». Таким образом, владением государя объявлялась вся Полоцкая земля, и отнимавшие у литовских панов имения дети боярские считались вступающими в свои законные права.

Великое княжество Литовское от потери Полоцка испытало шок. Оно даже не смогло организовать толковый контрудар. Проходивший в мае–июне в Вильно сейм литовской шляхты постановил собрать ополчение («*посполитое рушание*») к 1 августа 1563 г. Были определены нормы имущества, с которого дворяне Великого княжества должны были выставлять определенное количество воинов с полным вооружением. Несоблюдение норм сбора ополчения грозило конфискацией имений. Но, несмотря на решительность принимаемых мер, мобилизация происходила медленно и плохо. Идти воевать почти никто не хотел, хотя, казалось, над родиной нависла смертельная опасность.

В июне–июле 1563 г. отряды Великого княжества атаковали позиции русских войск. Но в этих локальных боевых действиях были задействованы не основные силы шляхетского ополчения, а каневские черкасы (украинцы, жившие вокруг г. Канева) и белгородские (приднепровские) татары. Под командованием князя Дмитрия Вишневецкого, перебежчика, когда-то служившего Ивану Грозному, они нападали на Северские земли вокруг Чернигова, Новгород-Северского и Путивля. Все набег *«литовских людей»* были отбиты.

Россия же продолжала развивать успех на полоцком направлении. 11 августа 1563 г. русским отрядом, пришедшим от Полоцка, был сожжен Лукомль. Нападения также совершались на Витебскую волость, село Улеи, задвинские села Бобрыничи, Ореховно, Плюсное, Чураки, Усвее, Глубокое, Березвичо, Ластовицу, Залесье, Задорожье, местечко Леплю, замок Дриссу и его село Белое, Дерновичи, Зябки, имение Голомысло. В октябре последовал поход русских войск от Полоцка на Дриссу. Только в декабре здесь был нанесен контрудар — литовцы из Борисова нападали на Лукомль, села Чашничи и Нисино в Полоцком повете.

5 декабря 1563 г. в Москву прибыло большое литовское посольство по главе с Ю. А. Ходкевичем, Г. Воловичем и М. Гарабурдой. Послам предписывалось потребовать возврата Полоцка, обсудить условия «вечного мира». Литовские дипломаты должны были особенно

упираться на христианские идеалы, что негоже христианским государям лить кровь единоверцев, а надо думать про войну с неверными, татарами и турками.

11 декабря В. М. Юрьев зачитал перечень населенных пунктов, входящих в вотчину Рюриковичей, *«но от наших предков невзгодами к его брата нашего предков зашли городов и с узды их»*. Этими землями Сигизмунду предлагалось *«поступиться»*: Киев, Вышгородское городище, Белгородское городище, Любеч, Остерское городище, Лоева Гора, Речица, Стрешня, Рогачев, Могилев, Шклов, Копось, Орша, Дубровна, Чичерск, Пропойск, Кричев, Гомель, Мстиславль, Тетерин, Быхов, Логойск, Дручск, Горволь, Бобруйск, Свислочь, Борисов, Минск, Витебск, Сурож, Озерище, Канев, Черкасы, Переяславльское городище, Красный, Трепольское городище, Белая Церковь на р. Роси, Звенигородское городище, Житомир, Слободище, Ижеславль, Глушеск, Глуцк, Мозырь, Чернобыль, Овруч (Вручий), Звягль, Давыдов городок, Петрокович, Туров, Слуцк, Копыль, Плеск, Кобрин, Брест, Каменец Берейский, Ковно, Турейск, Володимир, Горюховен, Кошира, Луцк, Черторыйск, Клевань, Торчин, Ровно, Дубна, Острог, Ковель, Жеславль Волинский, Полоной, Шульженцы, Чудно, Вишневец, Дорохвеевцы, Янполь, Перемерка, Холм, Перемышль, Чернигов, Брянславль, Хмельников, Веницы, Львов, Галич, Каменец-Подольский, Межибож, Сакаль, Дружа, Дрисса, *«и от Смоленского рубежа по Березыню и Киева со всеми городы, что из старины к нему было, и до Берести и Подолские и Волинские земли... А Волинская и Подолская земля и по Полской рубеж, и то все вотчина наша»*. Эти земли — вотчина Рюриковичей от Св. Владимира Крестителя и его сына Ярослава. Под власть великих князей литовских они *«попали насиллем»*: *«а зашла та вотчина за государя вашего и за предков его... некоторыми невзгодами после Батыева пленения, как безбожный Батый многие грады русские попленил, и после того потому от государей наших русские городы и поотошли»*.

Столь обширный и детализированный перечень территориальных претензий к Литве Москва предъявила впервые, и это было, несомненно, вызвано эйфорией от военного успеха под Полоцком. Столь же грозно выглядели и конечные условия, на которых Россия готова заключить вечный мир: *«И будет брат наш учнет наше царское имя к нам писати по нашему царскому венчанию сполна и тое нашии»*

старинные вотчины по сему писму поступитца, а из Вифлянские земли из нашее вотчины своих людей выведет, и мы так с братом своим миру вечно и доброго пожитья хотим». Недаром писарь Михайло Гарабурда, выслушав такие речи, заметил перед началом дебатов: *«Первое малые те дела переговорим, потом и большие учнем говорить».* На фоне подобных требований *«малым делом»* Гарабурда счел... взятие Иваном IV Полоцка.

Ответные претензии Литвы были скромнее и касались в основном недавних территориальных потерь. Послы заявили о желании короля получить: Великий Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк, Торопец, Великие Луки, Вязьму, Белую, Чернигов, Путивль, Новгород-Северский, Радогощ, Стародуб, Мглин, Попову Гору, Почап, Брянск, Трубчевск, Одоев, Воротыньск, Любуцк. Кроме новгородских и псковских земель, речь шла в основном о территориях, потерянных Великим княжеством в русско-литовских войнах в первой половине XVI в.

Переговоров не получилось. Бояре заявили послам: *«О том себе и на уме не держите, что государю нашему из Полоцкого повету соломинка дати, не токмо что о Смоленске вам поминати».* Литовцам был предъявлен новый список территориальных претензий, который детализирует географию представлений Грозного об идеальных границах Российского царства. Осью новых приобретений должен был стать Днепр, а центром — Киев: *«А описали бы есте государю нашему на вечный мир город Киев, да Вышегородище, а города к Киеву, которые по той стороне Днепра вниз по Днепру: Треполь Городище на Красной реке, Китай городище, Канев на Днепре, Черкасы на Днепре, город Беляя Церковь на реке на Рси, Звенигородцкое городище на угорьском текиче. А от Киева вверх по Днепру на той же стороне реки Днепра: городище Лоевы Горы на Днепре, Речица на Днепре, Стрешен на Днепре, Рогачев на Днепре, Быхов на Днепре, Могилев на Днепре, Шклов на Днепре, Тетерин, Орша на Днепре, Борисов, Друческ. Города к Киеву ж, которые по сей стороне Днепра вниз же по Днепру: Перясловское городище, Красное на Трубеже, Белое городище на Днепре. А от Киева вверх по Днепру: Любечь на Днепре, Острь на Десне, Копось на Днепре, Дубровна на Днепре, Гомей на Соже, Пропоеск на Пропости, Чичерск, Кричев на Соже, Мстиславль. По сю сторону Березыни русские ж города: Витебск на Двине реке, Сурож усть Каспли, Озерещя на озере,*

*Друя на Двине реке. Да из Дрыси королевских людей вывести, потому что то Полоцкой повет. Да в Вифлянскую землю бы не вступался, а царское бы имя сполна писал**».

Однако все эти воображаемые владения Московского государства, как показал дальнейший ход переговоров, были не более чем декларацией о возможных намерениях. Как только выяснилось категорическое нежелание послов даже обсуждать поставленные вопросы без получения от короля соответствующих инструкций, русская сторона тут же объявила, что *«царь поступается Киевом»* и стала добиваться заключения перемирия с крестоцелованием на условиях закрепления за Россией Полоцка и Ливонии, что, видимо, было действительной целью Ивана IV. В случае несогласия послов им предлагалось остаться в Москве, пока не подъедет из Вильно новое посольство с инструкциями о «вечном мире» и передаче России Киева. Поскольку в этом случае дипломаты имели все шансы умереть в русской столице от старости, они быстро пошли на попятную, и объявили о королевском согласии на время перемирия признать утрату города Полоцка, но Полоцкий повет разделить по реке Двине. Хоткевич, Волович и Гарабурда упирали на то, что *«сам государь в повете не был»*, он не завоёван, а русские на него претендуют только в силу административной подчиненности данных земель Полоцку, что несправедливо. В Ливонии же Сигизмунд предлагал перемирие по принципу «Кто чем владеет на момент переговоров». Срок перемирия Литва предлагала до 1 июля 1564 г.

21 декабря 1563 г. Иван IV огласил условия, на которых он готов был разделить с королем Ливонию при заключении перемирия на 10–15 лет. Он *«поступался своею вотчины»* «для бояр своих челобитья» по реке Двине. К Литве отходили Динебург (Невгин) и Зелборх (Силпиль), вся Курляндия. Интересно, что в боярской речи перечислялись только те населенные пункты, которые должны были отойти к Сигизмунду. О русских владениях в Ливонии не говорилось ни слова. Тем самым достигался эффект, что королю действительно *«поступаются»* частью чего-то целого, и на этом фоне как-то «терялись» гораздо более масштабные реальные приобретения Ивана Грозного.

* Речь идет о требовании признать царский титул («царское имя») Ивана IV — Сигизмунд упорно называл московского правителя «великим князем».

Дипломаты Сигизмунда отказались даже обсуждать заключение перемирия на этих условиях. Тогда 4 января литовское посольство было отпущено. Пропускная грамота, которую дали послам, содержит апофеоз описания могущества русского царя, у которого бесчисленное множество подданных разных народов, в том числе — «немцы», и «фрязы», и «жолныри», «и нашии вотчины Вифлянские земли мызником и немцом и латышом и чухном и всем воинским людем, руси и татаром и литве и фрязом и немцом и черкасом, кто ни буди нашего государства войска».

Реванш под Улой, 1564 г.

Однако торжество оказалось преждевременным. В январе 1564 г. русская армия, действовавшая на территории Великого княжества Литовского, потерпела жестокое поражение.

23 января от Полоцка вглубь Великого княжества Литовского двинулись крупные силы русских войск. Целью удара были Орша, Минск, Новогрудок, окрестности Друцка. Перед командованием во главе с князем Петром Шуйским не ставились задачи территориальных захватов: поход носил грабительски-устрашающий характер, чтобы «чинити плен и шкodu». На соединение с отрядом Шуйского от Смоленска шли полки под началом князя Василия Серебряного. Всего в русском войске было, по разным данным, от 20–25 до 50 тысяч человек.

Основные силы Великого княжества, в количестве 10 000 под командованием Миколая Радзивилла Рыжего и Григория Ходкевича, были сосредоточены под Лукомлем. Здесь 26 января от разведки были получены сведения о начале наступления московских войск. Радзивилл приказал выступить к Чашникам. Вперед были посланы роты Б. Корсака и Р. Баки, которые вскоре вступили в бой с передовыми частями русских на Иванском поле, недалеко от реки Улы. Вскоре подошли основные силы литовцев. Они успели выстроиться в боевой порядок, провести разведку. От нее стало известно, что русская армия устраивается на ночлег неподалеку, под Чашниками.

Причиной беспечного поведения русских, видимо, было то, что Шуйский не ожидал увидеть перед собой крупные силы противника, а рассчитывал на мелкую скоротечную стычку с небольшим литовским отрядом. Радзивилл же, не дожидаясь ночи, поздним вечером

Copen des Brieffes:
Welchen der **Lyttau**
 ische Hauptman gen Warschau/ dem Herrn
 Raduill zugeschickt/ darinn er vommeldet/ wie es sine
 in eroberung der Schlacht/ so er mit dem Muscovit
 ter gethan/ ergangen/ Mit erklerung/ was für
 statliche Beuteen sein Kriegsvolck die Lyttauen/darvon
 gebracht vnnnd bekommen haben/
 Geschehen den 26. Januarij/dieses) 5 6 4 Jatz. 3

Немецкий «летучий листок» о битве под Улой
 1564 г.

Иванские поля. Где-то здесь в 1564 г. произошла битва

Фото А.И. Филюшкина, 2014 г.

атаковал позиции противника. Согласно московской летописи, *«Царевы же и великого князя воеводы не токмо доспехи (не) успели на себя положить, но и полки стати не успели»*^{*}. Летописец обвиняет воевод в том, что они *«...шли не по государскому наказу, не бережно и не полки, и доспехи свои и всякой служебной наряд везли в санях»*. Видимо, отряд Шуйского был застигнут врасплох, либо на марше, либо уже когда входил в лагерь и готовился размещаться на ночлег. Воины были без доспехов, оружие везли упакованным на подводах. Тем не менее, они оказали ожесточенное, хотя и безуспешное сопротивление.

В сражении погиб командир русских полков князь Петр Шуйский. Данные об остальных потерях сильно разнятся. Русские летописи пишут о том, что полки Шуйского были рассеяны и разбежались, а сами потери составили около 150 человек. Литовцы сообщают

^{*} *«Царевы и великого князя воеводы не только не успели облачиться в доспехи, но и не успели построить полки в боевой порядок.»*

о 20 000 убитых и плененных русских. Первая цифра, видимо, преуменьшена, вторая — явно преувеличена. Узнав о разгроме Шуйского, смоленский отряд под началом В. Серебряного отступил на русскую территорию. Правда, он успел нанести противнику существенный урон: воеводы «... в Литовской земле войну ропустили и Литовские места воевали Дубровинские, Оршанские, Дручские, Березыньские, Копосские, Шкловские, Могылевские, Радомльские, Мстиславские, Кричевские и королевские села и деревни жгли и в посылках во многих заставы Литовских людей побивали и языки имали и в полон многих людей и з животы поимали».

Как можно оценить битву под Улой, которую Литва считала чуть ли не реваншем за Полоцк? Несомненен факт поражения русской армии, гибели Шуйского и срыва планов январского похода русской армии вглубь земель Великого княжества Литовского. Все остальное не стоит преувеличивать: было проиграно сражение, но не война, которая все равно развивалась не по самому благоприятному для Литвы сценарию. Ведь победа под Улой вовсе не возвращала Литве Полоцк, и не ликвидировала угрозы грядущих нападений России. Что и подтвердили боевые действия второй половины 1560-х гг.

Битва под Улой никак не повлияла на непрекращающуюся войну на всем протяжении русско-литовской границы, которую вели в основном местные дворяне и гарнизоны городов при поддержке отрядов, присылаемых центральными властями обеих государств. В январе 1564 г. литовцы от города Влеха воевали пригородные волости, а русские воеводы из Неvelя и Полоцка совершили удачные нападения на земли врага. В январе–феврале сообщается о нападениях русских войск под началом Семиона Касаевича, Ибака и Кайбулы на Дуровну, Оршу, Друческ, Борисов, Копос, Шклов, Тетерин, Могилев, Радомль, Мстиславль, Чичерск. Они доходили до Виленского рубежа и Березины. В марте 1564 г. литовцы нападали на русских в Ливонии: под Юрьевом, Новогороком и Алыстом. 7 июля нападению войск Великого княжества подвергся уезд города Нейгайза, уезд Печерского монастыря, псковские и ливонские деревни. В 20-х числах июля двухтысячный литовский отряд А. Полубенского воевал под Юревом верст на 50, после чего вместе с ливонскими войсками ушел к Пернову и «воевал шведов».

В августе 1564 г. отряд псковских детей боярских под командованием В. Вешнякова под Красным Городком разбил литовский отряд. Из Юрьева в поход выступили части под командованием Д. Кропоткина. В том же месяце «Литва воевала» окрестности Алыста и Юрьева. В конце августа громить ливонскую землю посланы казанские и астраханские татары под началом В. Бутурлина.

В сентябре Литва наконец-то предприняла попытку отбить Полоцк. Но трехнедельная осада шла очень вяло. Военачальники Великого княжества ждали татарского нападения на Русь, надеясь, что оно ослабит русскую армию на литовском фронте. В какой-то степени их чаяния оправдались: в том же сентябре под Великие Луки был выдвинут отряд под началом служилого татарского царя Шигалея для дальнейшего похода на Литву. Однако тут поступили известия о набеге крымцев на Рязанские места, гибели отряда князя Мамая Ширинского и выступление Шигалея было отложено, но не отменено. Правда, это ничем не помогло литовцам в отношении Полоцка — город держался стойко. Несколько успешнее полки Сигизмунда действовали в Прибалтике: в сентябре ливонско-литовские отряды под командованием Готарда Кетлера отбили у шведов Пернов.

Последний всплеск боевой активности сторон в 1564 г. состоялся в октябре. Из Великих Лук удар русской армии пришелся по Озеричу, «городок взяли огнем». Двигавшиеся от Великих Лук отряды И. А. Шуйского и И. В. Шереметева Меньшого под Велье столкнулись с литовцами, «и потравилися наши с ними немного, да отступив, пошли к Вороначу». Литовский отряд их преследовал, но за пять верст до Воронача повернул и устроил погром окрестностей Красного Городка, Велии, Острова. Через полторы недели литовцы ушли к Влеху с большим полоном, «и помещиковы и христианьские двory жгли».

В Ливонии войска Великого княжества из Невгина и Чествина атаковали занятый русскими Мариенбург (Алыст). Два дня вокруг города шли бои литовских отрядов с московскими казаками. Другие литовцы пытались разорять русские поместья в Ливонии за рекой Таговесью, но были отбиты.

Из боевых действий 1565 г., которые отличались куда меньшей интенсивностью, в марте можно отметить безуспешную осаду литовцами города Красного под Псковом, а в октябре — нападение войск

Осада Озериц
Миниатюра Лицевого летописного свода

Великого княжества на село Быстрое Заволоцкой волости Ржевского уезда, на волости Покровскую и Ясу Полоцкого уезда. Витебские и сурожские казаки воевали села в Озерицкой волости — Балтоковичи, Ясеницы, Ловать, Степановичи, Веричи, а также Усвятскую волость. Русский летописец так писал об этом: литовцы *«христьян бьют, и животы их грабят, и головами их сводят, и рыбу ловят, и бобры гонят, и мед дерут и всякие убытки им делают»*. В свою очередь, на Усвятскую волость, принадлежащую Витебску, был совершен набег русского отряда озерищенского воеводы Токмакова.

В целом можно сказать, что после событий 1563–1564 гг. русско-литовская война развивалась по сценарию, очень похожему на Смоленскую войну 1512–1522 гг. И в том, и в другом случае Россия сумела нанести противнику серьезный удар, заключавшийся во взятии крупного городского центра — Смоленска в 1514 г. и Полоцка в 1563 г. И в ту, и в другую войну вслед за успехом последовало поражение — битва под Оршей в 1514 г. и под Улой в 1564 г. После этого боевые действия перешли в фазу многочисленных, но не очень масштабных пограничных столкновений, происходивших на фоне трудных и многолетних мирных переговоров.

Между миром и войной: 1565–1567 гг.

21 ноября 1565 г. Иван IV отправил Сигизмунду грамоту с предложением прислать больших послов для заключения мира или перемирия. Царь объявил, что делает это по просьбе своих бояр и готов пойти на мир во имя спасения и благополучия всех христиан. 21 января 1566 г. Сигизмунд ответил согласием на это предложение. Вплоть до лета 1566 г., до окончания переговоров, на всех фронтах было объявлено перемирие. По мелочам оно, конечно, нарушалось: в феврале русские отряды от Озериц ходили к Усвятским озерам под Витебском, в Ливонии полки из Юрьева осаждали замок Руен. В марте литовские отряды в Прибалтике воевали занятый Россией Говейский повет.

Но главные события развернулись на дипломатическом поприще. В июне–июле 1566 г. в Москве состоялись переговоры с литовским посольством Ю. Ходкевича, Ю. Тишкевича и М. Гарабурды. Условия, на которых Россия была готова заключить «вечный мир», были аналогичны предложениям, прозвучавшим на переговорах 1563 г.

Правда, на этот раз Москва настаивала в основном на уступках земель и не акцентировала внимание на вопросе о царском титуле Грозного. Литовцы ответили по привычному сценарию ответным набором нереалистичных территориальных претензий на Новгород, Псков, Великие Луки и так далее. По сравнению с 1563 г. в список были добавлены: Дорогобуж, Можайск (!) и Мосальск. Появление Можайска послы объяснили полемическим выпадом Сигизмунда: Иван IV требует у короля заведомую вотчину Ягеллонов, и Сигизмунд выдвигает претензии на город, чья принадлежность Рюриковичам тоже весьма древняя. Но теперь он был объявлен древним владением польских и литовских королей! Литовцы пытались также обменять в Ливонии русский город Говью на город Мариенгаузен, но получили ответ, что Иван IV не будет ничего менять, так как считает всю Ливонию своей вотчиной.

Принципиально новым было озвученное послами предложение анти-шведского союза для изгнания шведов из Ливонии с последующим разделом между Россией, Польшей и Литвой отобранных у Швеции городов. Если раздел не устраивает Москву, то эти города предлагалось передать в совместное владение, *«а впредь Ливонская земля от неприятелей оберегати заодин»*. Таким образом, Сигизмунд предложил новую конфигурацию расклада политических сил в Прибалтике. Русская сторона на это предложение не отреагировала.

Литовцы были также готовы заключить перемирие на 4–6 лет на следующих условиях: Россия получает Полоцк и Озерище, и земли вокруг них, от Полоцка вверх по реке Обою 15 верст, вниз по реке Ропнице 5 верст, Озерищенский уезд весь, кроме Усвятской волости, возвращаемой Литве. Ливония делится по принципу «кто чем владеет», и стороны совместно выступают против Швеции для возврата городов, захваченных шведами на территории ордена. Сигизмунд также заявил о готовности признать царский титул Ивана Грозного.

Россия же претендовала на весь Полоцкий повет, а не сравнительно небольшие участки земли по Обою и Ропнице. Принципиальным для нее также был вопрос о разделе Ливонии. В 1566 г. русские в Ливонии владели: Юрьевом, Феллином, Нарвой, Ракобором, Алыстом, Керепетью, Лаюсом, Новгородком, Сыренском, Тарвастом, Говьей, Муковым, Костром, Костром Новым, Порховым, Адежем, Курсловым, Рынголом, Ранденом, Кавлетом, Коконготом, Толчбором, Потушиным,

Бабьим, Полчевом, Кивелем. Иван IV хотел получить от Сигизмунда города, находившиеся под его властью: Ригу, Малую Ригу, Колывань, Пернов, Пайду, Кесь, Ровный, Володимерец, Дюнемед, Адеж, Ротопойс, Керкольм, Леневард, Айскрод на Двине, Куконос на Двине, Зенкольд на Говье, Шуин, Зербень, Трекат, Плетенборх, Эрмис, Гелман, Буртник, Розен, Лемзель, Перкур, Трейден, Руин; городища Ленборх, Нитов, Юренборх, Смилтин, Ишкиль, Эрль; «*городков мызных*» и «*дворов ропатных*» — Доленя на Двине, на острове Протопоповском, город Кремона Протопоповского, Сонсея, Розенбека Мызникова, двух городков Ровы, Муяна. Таким образом, за Польшей и Литвой осталась бы только Курляндия. Все остальное в Прибалтике отошло бы к России.

Вопрос о шведских захватах в русском проекте перемирия был обойден молчанием. Города, подконтрольные Швеции (тот же Ревель) русский царь почему-то требовал от Великого княжества Литовского. В случае, если Сигизмунд пойдет на территориальные уступки в Ливонии, Грозный был готов освободить всех литовских пленных, а русских выкупить. Срок перемирия предлагался на 10 лет.

Послы негативно оценили русские предложения. Они заявили, что русский царь поступился Сигизмунду «*огородов*», а лучшие замки хочет забрать себе — какой же тут мир? Дальнейшие переговоры проходили в мелочном торге о территориальных уступках с обеих сторон.

5 июля послы выступили с неожиданным заявлением. Они предложили съезд государей на границе, чтобы монархи в личных переговорах сняли бы все спорные вопросы и достигли соглашения. Практика подобных съездов бытовала в отношениях Ягеллонов и Габсбургов, на Руси же она была уже подзабыта. Подобные съезды практиковались в удельную эпоху между князьями — правителями удельных княжеств, но, начиная с Ивана III, такой способ урегулирования споров с другими державами не использовался. Сперва Иван Грозный охотно откликнулся на это предложение, назначив местом встречи рубеж между Смоленском и Оршей. С каждой стороны должно быть не более 5000 людей (по прикидкам литовцев, сюда вошло бы не менее 2000 слуг). Размещение шатров, порядок приемов и пиров должны были демонстрировать абсолютное равенство государей. Готовить съезд планировалось почти целый год.

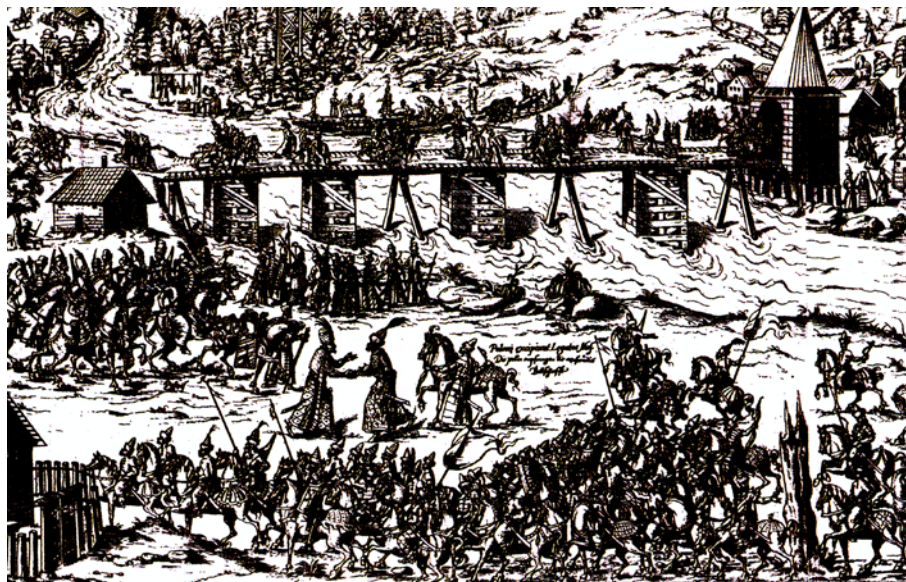
Мыс на городище. Здесь когда-то стояла крепость Ула

Фото А. И. Филюшкина, 2014 г.

Но в итоге идея сорвалась. Литовские послы настаивали на предварительном отпуске пленных, которым придется иначе еще больше года сидеть в заточении. А бояре с Иваном IV подозревали, что король под предлогом съезда просто затянет время, а потом на съезд не придет, и тем самым добьется фактического перемирия на литовских условиях. Поэтому было решено *«о съезде отказать»*, и вести традиционные переговоры через обмен посольствами. До поездки русских послов в Вильно, которая планировалась на январь 1567 г., устанавливалось перемирие.

Пока оно длилось, Россия по-своему приступила к решению территориальных проблем. Дворяне начали самовольный передел границ в «горячей точке» — Усвятской волости. 20 октября 1566 г. русские отряды перешли Двину и заложили город в устье реки Улы. 28 октября, вышедший из Полоцка отряд ударил по недавно основанной литовской крепости под Вороначем. Также было начато строительство укрепленных пунктов на городище Межеве и в Усвятской волости.

Литовцы в ответ нападали на Полоцкий повет. Казаки из Дриссы и Кобеца разбойничали на Невельской дороге под Полоцком. В ноябре

Встреча посольства В. И. Умного-Колычева в Гродно в 1567 г.
Фрагмент Гравюры М. Цюндта по рисунку Г. Адельгауэра, 1568 г.

1566 г. с грамотой, содержащей протест против самовольных действий русских воевод, нарушавших официальное перемирие, в Россию был отправлен литовский гонец В. Загоровский. На него не обратили особого внимания. В 1567 г. нападения были продолжены: отряд В. Серебряного, В. Палецкого и воеводы Токмакова разгромил имение князей Острожский и основал замок на Суши. В Полоцком повете был основан город Нишча.

Переговоры о перемирии с русским посольством Ф.И. Умного-Колычева состоялись в Гродно с 24 июля по 19 августа 1567 г. Они были очень трудными, так как обе стороны настаивали на заведомо невыполнимых условиях, которые не желали обсуждать и корректировать. Поскольку разговора о принципиальных вещах не получалось, дипломаты буквально погрязли в мелочных спорах по процедурным вопросам и громких декларациях по любому поводу. Литовская сторона хотела утвердить status quo, то есть кто чем владеет в данный момент, с оговоркой, что по истечении перемирия король оставляет за собой право «*промышлять*» над потерянными территориями. Русские

же расценивали результаты войны как победу Москвы. Поэтому она вправе требовать новых территориальных уступок от «побежденного» Великого княжества Литовского.

Никакого желания достичь компромисса ни литовцы, ни русские не продемонстрировали. Камнем преткновения стало включение в титул Грозного добавлений «Смоленский», «Полоцкий» и «Лифлянский». Король отказался их признавать, из-за чего даже не была оформлена итоговая грамота по результатам переговоров. Она была отправлена вслед посольству с гонцом Ю. Я. Быковским — Сигизмунд хотел, чтобы последнее слово осталось за ним. В послании в срыве переговоров обвинялся русский царь. Король писал, что был готов на время перемирия поступиться Полоцком, и считал, что это вполне достаточная уступка Москве. От России же Сигизмунд требовал возврата Северских земель. Понятно, что при таких позициях сторон переговоры не могли иметь никакого успеха. Не удалось даже продлить перемирие: боевые действия должны были начаться сразу, как посольство Умного-Кольчева покинет литовскую землю.

В сентябре 1567 г., при получении известий о преследовании возвращающегося из Литвы Ф. И. Умного-Кольчева литовскими войсками, желающими вторгнуться в Смоленскую землю, на помощь были посланы полки из Боровска, Ржевы и Волоколамска, которые должны были прикрыть Смоленск и Вязьму. Этот шаг предупредил вторжение войск Великого княжества. Гнавшийся за посольством литовский отряд из Орши повернул назад, так и не начав боевые действия. Собранным против него русским войскам из Вязьмы и из-под Смоленска было приказано идти к Великим Лукам, где готовится к походу на Литву.

Люблинская уния и образование Речи Посполитой, 1569 г.

С каждым годом войны Великое княжество Литовское все больше ощущало шаткость своего положения. Симптомом этого стало обращение короля к Ивану IV 30 июля 1568 г. Сигизмунд предложил продолжить переговоры, причем выразил готовность прислать в Москву своих послов. В посольском ритуале того времени намерение первыми приехать на переговоры означало демонстрацию готовности к уступкам. 10 ноября 1568 г. литовский гонец Иван Букряба в своей речи

назвал Ивана IV «великим князем *царем*^{*} всеа Руси». Это он сделал по приказу панов литовской рады, которые хотели сдвинуть переговоры с мертвой точки. Правда, обращение «царь» было только устным, в королевской грамоте значился старый титул «государь и великий князь». Но симптоматично, что руководство Великого княжества демонстрировало свою готовность идти на уступки.

Первые шаги к признанию царского титула Литвой радости Ивану IV не принесли. Вскоре этот титул оказался и написанным в грамоте, но какой! 11 января 1569 г. литовский отряд под командованием Александра и Ивана Полубенских взял Изборск и объявил его владением короля Сигизмунда. В послании вызывающего содержания к псковскому воеводе Н.К. Замыцкому А. Полубенский называл Ивана Грозного «царем», что в данном контексте звучало откровенно издевательски.

Нападение литовского отряда на Изборск было далеко не единичным случаем боевых действий на фоне перемирия, провозглашенного «покуда послы ходят». В июле 1567 г. московские отряды П. Серебряного и В. Палецкого под городом Сушей громили земли, принадлежавшие князю Острожскому. 1 ноября Иван IV из Великого Новгорода выступил походом к ливонским городам Лудзену и Резице. Однако, после совещания царя с воеводами 12 ноября на Ршанском яму, решено было поход отложить из-за неготовности войск и опоздания артиллерии, а также угрозы нападения литовцев на пограничные города.

1568 год прошел более мирно. Активные боевые действия развернулись к зиме. 2 декабря 1568 г. воевода Юрьева Ливонского А. Пронский послал отряд Г.И. и И.И. Иванишиных под замок Гермес. 8 декабря этот же отряд осадил замок Гельм. 11 декабря войска воеводы города Говьи Глеба Оболенского под началом Н. Оначкова разорjali Трикатский повет. 15 декабря в этом повете казаки атамана Лося напал на Увитен погост. 20 декабря с Говьи же отряд И. Миркевича воевал в районе Тырмызы. 26 декабря дворяне Н. Оначкова в Смелтинском повете чинили расправу над местными жителями: отрубили им руки и ноги, а уцелевших брали в плен. В начале января 1569 г. состоялось нападение на мызу Яна Блюма под Смелтиным и осада Мариенгаузена.

* Выделено нами.

Изборская крепость

Фото А. И. Филюшкина, 2010 г.

Как мы видим, боевые действия проходили при явном перевесе России. Несмотря на их небольшой масштаб (взятие Полоцка 1563 г. оказалось самым крупным событием всей войны), пограничные земли Великого княжества Литовского несли чувствительный урон. Главное же — война продемонстрировала неспособность Литвы к сопротивлению. Собственно говоря, королю так и не удалось, несмотря на все грозные указы и повышение налогообложения, собрать боеспособное большое войско, которое могло бы нанести русским серьезный удар. Дворянство пограничных районов относилось к проблеме обороны более ответственно, но часто действовало на свой страх и риск. Литовские магнаты все время жаловались королю, что им не по силам заставить своих подданных воевать, что русские слишком сильный противник и не по зубам Великому княжеству Литовскому. Лозунгом этой группы панов, склонных к пораженческим настроениям, были слова Миколая Радзивилла, обращенные к королю Сигизмунду: *«Вояя с Россией, мы пускаемся с мотыгой на солнце»*.

В этой ситуации знать Великого княжества, неспособная мобилизовать силы страны для отпора врагу, согласилась на окончательное объединение Литвы с Польшей в единое государство — Речь Посполитую. В январе 1569 г. в Люблине начал работу общий польско-литовский сейм, который обсуждал условия слияния двух держав. Было решено учредить для обеих стран общее государственное устройство, денежную систему, единую армию. Теперь у страны должна была быть единая внешняя политика. Раньше Польша и Литва частично действовали вместе, а частично порознь, что приводило к взаимным конфликтам: литовцы не всегда поддерживали Польшу в ее борьбе с Тевтонским орденом, а поляки частенько оставляли Литву один на один с Россией. Собственно, для Литвы смыслом и целью унии было привлечение польской армии для войны против Московии. Иначе, как считали многие, «Литвы бы не было». Она бы не выстояла в борьбе с Иваном Грозным.

Подобная точка зрения несколько преувеличена. Конечно, Великое княжество Литовское накануне унии находилось в трудной ситуации. Но можно ли ее назвать катастрофичной? Литва явно терпела поражение, но это была далеко не первая война в XVI веке, которую Великое княжество проигрывало своему восточному соседу. Каждый раз это сопровождалось территориальными потерями, но ни разу не возникал вопрос о гибели всей литовской государственности. В 1569 г. он тоже не стоял. Страхи, что русский царь пойдет на Вильно и Киев, обуревавшие горожан и шляхту, были явно преувеличены. Из поведения Москвы видно, что она вполне бы удовлетворилась уступкой ей Полоцка и отказом Ягеллонов от прав на Ливонию, чего Иван IV добивался на переговорах с декабря 1563 г. Претензии на Киев и другие города русские дипломаты выдвигали на каждой встрече с литовскими послами. Но это делалось для устрашения противника, и никогда за весь XVI в. не переходило в плоскость практических действий. После взятия Полоцка, в 1563–1569 гг., российская армия не совершила ни одного крупного похода вглубь территории Великого княжества. Война протекала в ближнем пограничье. Войска разоряли земли Литвы, но больше не захватили ни одного крупного городского центра — таких задач перед командованием просто не ставилось.

Таким образом, если вспомнить аналогию с русско-литовской Смоленской войной 1512–1522 гг., можно было бы, уступив Полоцк,

заклЮчить перемирие на несколько лет. После 1522 г. следующая, «Стародубская» война между Россией и Великим княжеством Литовским, вспыхнула только в 1534 г. То есть многолетнее замирение в принципе было возможно. А уж потом история бы рассудила спор двух держав, кто из них станет господином всей Восточной Европы...

Паны Великого княжества были склонны к миру на таких условиях. Но камнем преткновения оказалась Ливония, и позиция правящих кругов Королевства Польского и Великого княжества Литовского по этому вопросу. Целью Ягеллонов являлось присоединение Ливонии, как было показано выше, и Корона вовсе не собиралась отказываться от своих планов. Тем самым судьба Литвы оказалась как бы разменной картой в балтийских войнах. Чтобы удержаться в Ливонии, изгнать оттуда русских и шведов, сил только Польши или только Литвы не хватало. Для реализации проекта «Польской Прибалтики» требовалось окончательное объединение двух государств в единую державу. При этом, как считали современники, произошло фактическое поглощение Литвы Польшей.

Из-за понимания и поляками, и литовцами данного обстоятельства достижение соглашения на Люблинском сейме, посвященном заключению новой унии, было очень трудным. Заседания начались в январе 1569 г. Каждая сторона имела свой собственный проект создания союзного государства. Между ними были весьма существенные противоречия. Коронная шляхта предлагала более унифицированную модель, по которой Литва целиком вливалась в состав Королевства Польского. Литовская шляхта настаивала на федерации, выборах общего короля на совместном сейме польской и литовской знати, сохранения у короля титула «великий князь литовский». Все важнейшие дела должны решаться общим сеймом, на котором будут присутствовать представители дворянства всей Речи Посполитой. Литва и Польша сохраняют свои законы и систему судопроизводства. Преимущество при назначении на должности получают коренные жители данного региона.

Поляки отреагировали нервно на желание литовской шляхты получить значительную долю автономии, и начались долгие споры. Стороны не скупались на резкие слова в адрес друг друга. Поляки заявили, что их короли всегда правили Литвой, и принесли живущим в ней народам свободу. На это один из лидеров литовской делегации

Люблинская уния 1569 г.
Картина Яна Матейко, 1869 г.

Григорий Ходкевич ответил: *«Наши народы и мы — честные и достойные люди, а что касается наших свобод, то мы равны любому другому народу, включая и вас, господа поляки. Нам бы не хотелось заключать унию, прежде чем мы установим добрый порядок в нашем содружестве и покажем вам, что вы заключаете союз с друзьями, равными вам*

по достоинствам и внутреннему устройству... Это исключительно наше дело, поскольку мы свободные люди и христиане. Никто не может вести наших дел, кроме нас самих как это делали наши предки».

Поляки очень злились на подобные речи. Как отмечал современник событий, автор «Дневника» Люблинского сейма, *«такие беседы*

приносили больше взаимного раздражения, чем результатов». В феврале большая часть литовских делегатов покинула сейм, надеясь тем самым парализовать его работу. Однако позиция шляхты Великого княжества была подорвана действиями русинской знати Волыни и Подляшья. Она не только поддержала идею унии, но выразила готовность выйти из административного подчинения Великому княжеству Литовскому и войти в состав Королевства Польского. Этот шанс расколоть лагерь оппонентов Сигизмунд II Август блестяще использовал.

5 марта король выпустил эдикт о «возвращении» Польше Волыни и Подляшья и включении этих двух областей в состав польских владений Ягеллонов. Литовская знать была потрясена. Наиболее резкой из высказанных оценок было: «Измена!». Поговаривали даже о начале войны с польскими «захватчиками», вооруженном сопротивлении.

Литва оказалась как бы между двух огней: с одной стороны — Россия, в XVI в. захватившая значительное количество пограничных земель, ранее принадлежавших Великому княжеству, и, казалось, не собирающаяся останавливаться на достигнутом. Возможно, страхи утраты Литвой независимости в результате русского завоевания были преувеличенными, и у Москвы не хватило бы сил сломить и покорить все Великое княжество. Но эти страхи были широко распространены среди населения, прежде всего — политической элиты, шляхты и магнатов. Для них это были не иллюзии, а суровая реальность. Паны убежденно верили, что Литве в одиночку не справиться с восточным врагом. Поэтому, несмотря на все возмущение действиями Короны, к ней тянулись, в ее защите нуждались.

С другой стороны, было очевидно, что при слиянии с Польшей Литва окажется на второстепенных ролях. Польская культура во всех отношениях была более высокоразвитой, зрелой, к тому же имеющей опыт успешного распространения на присоединенных территориях. Ее сильной стороной была и значительная степень толерантности — недаром в Раннее Новое время Польшу называли «*государством без костров*». Польская культура распространялась не насильем, ее добровольно принимали и к ней стремились как к более высокому ориентиру. Все понимали, что в результате слияния Литвы и Польши именно Польша будет задавать стандарты поведения, систему ценностей, политические, религиозные и культурные ориентиры развития общества.

Патриоты Великого княжества Литовского видели в этом угрозу утраты не только самостоятельности, но и самобытности. Отчаяние литовских вельмож в полной мере показано в одном из писем Миколая Радзивилла, где он горько жалеет о «*похоронах и уничтожении навсегда ранее свободного и независимого государства, известного как Великое княжество Литовское*». На полотне Яна Матейко, изобразившего момент заключения Люблинской унии, лица представителей литовской делегации (в правом углу картины) полны горя и отчаяния, некоторые из них плачут.

5 апреля в Польшу прибыла литовская делегация во главе с Яном Ходкевичем и Остафием Воловичем. Они донесли до короля и коронной шляхты резкий протест и несогласие Литвы с переходом Подляшья и Волыни во владение Короны. Литовская знать требовала нового избрания депутатов и созыва нового сейма для обсуждения территориальных споров. Поляки неохотно согласились на это, но король Сигизмунд издал указы еще о нескольких территориальных аннексиях. 6 июня в состав Польши была «возвращена» Киевская земля, а 16 июня — Брацлавская и Винницкая. Таким образом, переговоры, на которые так надеялись правители Литвы, привели только к ухудшению ситуации. Потери южных земель еще больше ослабили Великое княжество, еще больше уменьшили его потенциал в войнах с Россией. Деваться было некуда. 1 июля 1569 г. договор об унии был подписан. 4 июля король Сигизмунд Август его утвердил.

Основные принципы Люблинской унии заключались в следующем:

1. Польша и Литва теперь составляют единое сообщество (*res publica*, польский перевод — Речь Посполитая), единое королевство (*unum regnum*), единый народ (*unus populus*).
2. Речью Посполитой управляет единый король, избираемый знатью на сейме и возлагающий на себя корону в польской столице Кракове.
3. Король обязан защищать и гарантировать права и свободы всех народов, входящих в Речь Посполитую.
4. Учреждается единый коронный сенат и единый сейм.
5. Речь Посполитая ведет единую международную и военную политику, отдельным частям государства больше нельзя вести свои собственные войны.

Люблинская уния, несомненно, была очень интересным экспериментом по объединению в Восточной Европе разных стран, народов, конфессий в единое государство федеративного характера. Речь Посполитая уникально сочетала в себе общее политическое устройство с возможностями широкого развития региональных культур. Она дала миру удивительный культурный сплав, выдающиеся памятники литературы, искусства, общественной мысли. Она также являла пример государства, в котором в XVI в. исповедовались идеалы свободы, незыблемости прав и привилегий, своеобразной демократии. Правда, это была шляхетская, то есть дворянская демократия, не затрагивавшая всего населения — кроме знати, правами и свободами пользовались еще и города, имевшие самоуправление. Но для XVI в. это было большим достижением и свидетельствовало о высоком развитии политической культуры.

Однако в общественно-политическом строе Речи Посполитой были сразу же заложены факторы, через два столетия приведшие это государство к гибели. Обратной стороной шляхетской демократии был паралич верховной власти, когда шляхта фактически контролировала короля. Следствием этого являлась слабость внутренней и внешней политики, угроза распада страны, поражения в войнах с внешними врагами. Собственно говоря, победа над Россией в 1582 г. была главной военной удачей Речи Посполитой в межгосударственных конфликтах, не считая отдельных успехов польских войск в войнах с турками и шведами. Однако на этом политический потенциал Речи Посполитой оказался исчерпанным. Уже в первой половине XVII в. она несет территориальные потери — Швеция отнимает у Речи Посполитой Ливонию, а на Украине вспыхивает сепаратистский мятеж во главе с Богданом Хмельницким. Во второй половине XVII в. серьезнейшие поражения Варшаве наносят Россия и Швеция, в результате чего Речь Посполитая начинает уменьшаться в размерах. В XVIII в. польские короли уже не ведут самостоятельную политику, а на их выборы влияют русские войска. Наконец, в конце XVIII в. Речь Посполитая прекращает свое существование, разделенная между Россией, Пруссией и Австрией.

Но это все будет позже. Пока же в результате Люблинской унии произошло резкое усиление военного потенциала врагов России, хотя процесс объединения Польши и Литвы занял не одно десятилетие.

Победа, одержанная в русско-литовской войне 1561–1570 гг., оказалась для России последней на этом фронте в XVI в.

Русско-литовское перемирие 1570 г.

1570 г. был отмечен в Речи Посполитой страшным голодом. По сообщению русской летописи, *«в та же лета в Полюе и в Литве глад был силен... простой народ всяку скверну ели, псов и кошек, напоследок и мертвых людей, тела их из гробов волочили и солили да ели, аще хлебные зело дорог был, да денег негде взять»*. В этой обстановке начался новый раунд русско-литовских переговоров. 10 мая 1570 г. в Москве бояре М. Я. Морозов, Н. Р. Юрьев, печатник И. М. Висковатый и дьяк Андрей Васильев приняли посольство Речи Посполитой во главе с Яном Скртошиным.

Диалог сторон развивался по привычному сценарию: литовцы запросили Великий Новгород, Псков, Смоленск, Дорогобуж, Вязьму, Торопец, Великие Луки, Новгород Северский, Стародуб, Брянск, Почап, Чернигов, Путивль, Козельск, Карачев, Мценск, Мосальск и другие северские города, Полоцк, Озерище и Усвят со всеми их поветами. Бояре в ответ зачитали список русских претензий на Киев, *«городов, которые по Днепру к Киеву»*, Волынь, Брест, Каменец Берестейский, Дорофеевцы, Янполь, Збарез, Черников, Хмелников, Винницу, Львов, Галич, Каменец-Подольский, Витебск, Могилев, Шклов, Мстиславль, Канев, Черкасы, Кричев, Чичерск, Пропойск.

Поскольку продолжение переговоров в таком стиле означало их очередной провал, стороны медленно и неохотно стали делать уступки. 12 мая Иван IV отказался от претензий на Канев, Черкасы, Вышгород, Могилев, Любеч, Гомель, Остер, Чичерск, Пропойск, Мстиславль, Кричев, Сурож, Быхов, Шклов; 17 мая — от Киева, Витебска и городов Полоцкого повета: Дриссы, Лепли, Чашников, Лукомля, Белмаков, в обмен на остальную территорию повета, с передачей Литвой России Улы, Копья, Усть-Ушачи, Воронача, Тетчи.

Позиция сторон по Ливонии тоже не изменилась: Сигизмунд предлагал закрепить существующее положение вещей по принципу «кто чем владеет», и просил обменять занятый Литвой Мариенгузен на русский город Говью. Бояре же и слышать об этом не хотели, сперва требовали всю Ливонию, а 18 июня торжественно объявили, что царь

«*поступается*» Курляндией, которой и без того владела польская Корона. Рубежом между Русской и Польской Ливонией должна стать Западная Двина. В ответ послы заявили, что «*Инфлянты*» даны Богом «*в оборону*» польским королям, и они не намерены поступаться данной землей.

Поскольку территориальные споры оказались неразрешимы, на переговорах 18–20 июня было найдено компромиссное решение: заключить трехгодичное перемирие, но при этом в грамоты ливонских «*рубежей не писать*», чтобы юридически не фиксировать принадлежность земель тому или иному государю. Вопрос о разделе Ливонии обе стороны решили оставить открытым. Проблема титулов, как всегда, горячо обсуждавшаяся на переговорах, решалась просто: каждая сторона писала в свой экземпляр грамоты те титулы, какие хотела. 24 июня 1570 г. стороны целовали на перемирных грамотах Евангелие и крест. В мае 1571 г. посольством Г. Ф. Мещерского в Литве перемирие было подтверждено, поставив точку в русско-литовской войне.

Итоги ее были вполне утешительны для Ивана IV: он продолжил дело отца по присоединению крупнейших городов Великого княжества Литовского (Василий III взял Смоленск, а его сын — Полоцк), добился перемирия с фактическим временным признанием русских завоеваний в Ливонии. Причем дипломатическая инициатива в заключении перемирия исходила от Сигизмунда, что для Грозного также было немало важно — тот, кто просит мира, тот и проиграл.

Отсюда и совершенно глумливое поведение в отношении посольства Скртошина, которое было в Москве. Сам царь лицедействовал перед послами, кривлялся, высмеивал их. Дворяне прямо на царском дворе беспардонно грабили послов. К ногам царя бросили отобранные у литовцев части конного и воинского убранства польского гусара, над которыми московские дворяне во главе с самим государем устроили унижительную потеху.

На этом злоключения Скртошина с товарищами в Москве не закончились: царские слуги во главе с неким Булатом приезжали на двор к литовцам, угрожали расправой, пугали и издавались. Также вызывающе вело себя в Литве и посланное подтверждать перемирие посольство Г. Ф. Мещерского. Оно получило приглашение на торжественный обед у короля, но узнало, что сам Сигизмунд не придет,

сказавшись занятым, а придет вместо себя панов рад. Тогда москвичи гордо отказались от обеда вообще.

Датско-шведская война 1563–1570 гг.

24 мая 1562 г. шведский король Эрик XIV приказал своим адмиралам Якубу Багге и Йонсону Бонгу *«прекратить нарвское плавание»*. Торговля европейских стран с Россией через Нарву вызывала гнев монарха и наносила ущерб торговым операциям шведских купцов. С появлением на пути в Нарву военных кораблей, которые угрожали нападениями, балтийская торговля не прекратилась. Купцы Ганзы, Англии, Голландии, Шотландии поплыли в шведский Ревель. Однако Дания и Любек возмутились таким наглым поворотом торговых путей в свою пользу. Они заявили, что море должно быть свободно, каждый плывет, куда хочет, и торгует, с кем хочет. Взаимные споры быстро переросли в войну между Данией и Швецией — войну за господство на Балтике.

Поводом к ней послужило нападение 6 августа 1562 г. шведского флотоводца Клауса Горна на ливонский порт Гапсаль. Его защищал польский гарнизон, после недолгих боев отступивший в направлении Риги. Шведы планировали нападение и на саму Ригу. Их активность угрожала как польским, так и датским владениям в Ливонии. Если бы наступление Стокгольма оказалось успешным, то Шведское королевство стало бы господином в Прибалтике.

Такое развитие ситуации для Дании, Любека, Польши было недопустимым. 13 июня 1563 г. Любек объявил Швеции войну. 31 июля его примеру последовала Дания. После датско-польских переговоров 5 ноября 1563 г. на стороне Дании выступила Польша.

Копенгаген мог выставить 27 военных судов и 4600 человек. Любек первоначально ввел в бой всего 7 кораблей, но непрерывно наращивал морские силы, и к концу войны под его флагом воевало уже 19 судов. Польский флот был каперский, непостоянного состава, состоял из нескольких кораблей и реальной роли не играл. У Швеции же было около 70 военных кораблей, некоторые крупные, водоизмещением до 800 тонн.

Стратегическим планом кампании предусматривалась блокада датско-любекскими морскими силами Стокгольма с моря. Польша тем

временем должна была вытеснить шведов из Северной Эстляндии. Однако события развивались иначе: под предлогом прорыва блокады шведский адмирал Якуб Багге 30 мая 1563 г. атаковал датский флот у острова Борнхольм. Сражение закончилось победой шведов. В плен попал датский командир Якуб Броскенгус и три корабля. Зато в сентябре 1563 датчане захватили шведский порт Эльвеборг, отрезав Швецию от выхода к Атлантическому океану.

11 октября 1563 г. флот из 33 датско-любекских кораблей под началом адмирала Педера Скрама севернее Готланда столкнулся с 27 шведскими военными судами, которыми командовал все тот же Якуб Багге. Правда, боя не состоялось, шведы ушли к Стокгольму. Поляки в союзе с курляндской армией герцога Готарда Кетлера в 1563 г. вели осторожные боевые действия на суше, в Северной Эстляндии. Наивысшей точкой кампании была осада Кетлером Пернова.

30 мая 1564 г. под Готландом датско-любекский флот снова встретился с эскадрой Якуба Багге. Датская эскадра Херлуфа Тролля состояла из 23 кораблей, любекская Фредерика Кнебля — всего из 10. На этот раз непобедимый Багге оказался разбит. Тролля применил новую морскую тактику: вместо того, чтобы пустить вперед самые сильные корабли, а слабые держать позади, он расставил свой флот тройками, объединив в них мощные и более слабые корабли. Тем самым была достигнута равномерность датского боевого построения, и шведы не смогли взломать линию кораблей противника. После Готландской битвы на какое-то время преимущество на море перешло к Дании.

Шведы притихли, и лишь 6 июля 1564 г. под Флемингом недалеко от Борнхольма отважились вновь атаковать датский флот. Большую активность развил адмирал Клаус Горн. 12 августа 1564 г. он напал у острова Эланд на датско-любекский флот из 39 судов и ушел к Стокгольму с добычей. В мае 1565 г. шведский отряд Горна появился даже неподалеку от Копенгагена. Атаке подверглись и окрестности Любека. 4 июня 1565 г., недалеко от берега между крепостями Висмаром и Вемером, Горн вступил в сражение с эскадрой Тролля. 14 шведских кораблей вышли против 13 датских и 12 любекских. Битва длилась три дня. Тролля получил смертельную рану, и лишившийся командования датский флот отступил к Копенгагену. Горн на радостях даже высадил шведский десант.

7 июля 1565 г. состоялось главное сражение войны на море — Борнхольмская битва. Флотом из 22 датских и 14 любекских кораблей командовал датский адмирал Отто Руд. Им противостояло 44 шведских корабля. Сражение было одним из самых кровавых в борьбе за Балтику в XVI в. С обеих сторон было более 7000 раненых и убитых, 5 датских судов попало в плен, в том числе флагманский «*Jaegermesther*». Однако явного преимущества в битве не добилась ни та, ни другая сторона, и противники покинули поле боя с большими потерями.

23 мая 1566 г. Горн с 67 судами отплыл в Данию. Целью была высадка десанта и морские операции у побережья. Однако у мелких датских берегов шведский флот оказался малоэффективным. 6 кораблей село на мели, и Горн увел суда в открытое море. Его начали преследовать 36 датских кораблей под командованием Яна Лауридсена и 11 любекских под началом Бартоломея Тиннапелема. Погоня и перестрелка шли вяло. В ночь с 28 на 29 июля 1566 г. под Висби датско-любекский флот был разбит шведами, которые внезапно атаковали корабли на якорных стоянках. Было потоплено 14 кораблей, погибло все командование флотом и 5000 моряков. После «катастрофы при Висби» до конца войны шведы доминировали на море.

Теперь можно было браться за операции на суше. В январе 1567 г. состоялся шведский поход на ливонские города, занятые польско-литовскими войсками. Вышедший из Ревеля отряд под командованием Клаустеня взял Рую, Малотель, Буртник и Лимбаш, в последнем побито 800 литовцев. Однако уже в феврале был нанесен ответный удар литовских и ливонских войск. Под Ревелем состоялось большое сражение, в котором шведские силы в Ливонии оказались разбиты. Развивая успех, литовцы в марте осадили Ригу, но, как сказано в хронике, «*рижане от них отсиделись, а города им не сдали*». Летом — осенью 1567 г. датские войска под командованием Д. Рантцау перешли в наступление и в конце 1567 — начале 1568 гг. заняли области Смоланд и Эстерйётланд.

К 1568 г. стала очевидна некоторая противоестественность состава противоборствующих сторон. Дания была склонна к союзу с Россией и разделу Прибалтики между датским и российским монархами. Союзный Дании Любек в 1560-е гг. на ливонские земли не претендовал, ему было бы достаточно господства в балтийской торговле. Таким образом,

получалось, что Польша является врагом России и союзником Дании, последняя — другом и России, и Польши. Шведы же представлялись реальной силой, которая может противостоять датской экспансии в балтийские земли.

В сентябре 1568 г. шведский король Эрик XIV лишился престола. Он был объявлен сумасшедшим и заключен в тюрьму. Сигизмунд решил воспользоваться ситуацией, предать старого союзника и заключить альянс с новым. Это было тем легче сделать, что новый шведский правитель, Юхан III, был женат на Катерине Ягеллонке, сестре Сигизмунда. Польша отказалась поддерживать Данию, и сошлась с новым союзником, против которого еще недавно воевала — со Швецией. Вскоре шведские корабли прибыли в Гданьск за товарами. В 1568 г. Сигизмунд фактически выходит из войны, и предлагает свои услуги для посредничества в переговорах между Данией и Швецией.

В 1569–1570 гг. Швеция и Польша активно обменивались послами, монархи вели доверительную переписку. Польская делегация присутствовала на коронации короля Юхана. В Гданьске осенью 1569 г. базировалась шведская эскадра Арведссона, что было демонстративно недружественным актом в отношении Дании. Сближению Польши и Швеции всемерно способствовала Катарина Ягеллонка. Она участвовала в дипломатических переговорах, сообщала брату планы и намерения шведских политиков. Военачальники строили планы организации совместной, шведско-польской обороны Ревеля и Пернова. Напомним, что всего четыре года назад польско-литовские войска отбивали у шведов Пернов. Шведы помогали полякам в создании своего военно-морского флота. Уже в 1570 г. начинаются совместные походы польско-шведской эскадры.

Свою дипломатическую игру на фоне датско-шведской войны вела и Россия. Еще в 1567 г. в Москве возникла идея раздробления Ливонии на ряд мелких княжеств, правители которых принесут присягу монархам Польши, Швеции, Дании и России. Тем самым предполагалось мирно добиться раздела сфер влияния. Грозный сперва предложил основать такое вассальное Ливонское королевство пленному бывшему магистру ордена Фюрстенбергу, но тот отказался. Затем последовало аналогичное обращение к Кетлеру, уже владевшему Курляндией и Семигалией на правах вассала Сигизмунда. Но последний

магистр Ливонии также отверг данное предложение. На него согласился только датский герцог Магнус, увидевший в этом шанс обзавестись собственным государством, пусть формально зависимым от Москвы. Роль, которую он исполнял — фактический наместник короля в датской зоне оккупации Ливонии — его перестала устраивать. Музыка в ушах Магнуса звучало восклицание: «*Счастье в ваших руках, вас ждет Ливонская корона!*»

27 января 1570 г. послы Магнуса вернулись из Москвы в Аренсбург. В заключенном соглашении говорилось: Иван IV обещал отдать герцогу все свои завоевания в Ливонии. После смерти Магнуса они отходили его наследникам, а после пресечения рода — датской короне. Русское население будет выведено из Ливонии, а право торговли в ней передается «*немцам*». В ответ от Магнуса требовали присяги на верность русскому царю.

Союз между Магнусом и Иваном IV вызвал пристальный интерес Польши. Королевские дипломаты взволнованно обсуждали, что значит «Магнус — слуга Ивана IV»? Не свидетельствует ли это, что реализуется датско-русский план раздела Прибалтики? Армия Магнуса теперь действовала в Ливонии совместно с российскими войсками. 21 августа 1570 г. объединенные силы атаковали Ревель. Правда, штурмом взять город не удалось, а долгая осада оказалась безрезультатной. Шведы смогли организовать подвоз продовольствия с моря. 16 марта 1571 г. датско-русские войска отступили от Ревеля.

Русско-датское и шведско-польское сближения были прежде всего вызваны непримиримостью позиций по вопросу о морской блокаде. Шведы и поляки хотели закрыть «*нарвское плавание*», для Дании и России оно было выгодным. Почти одновременно с Люблинским сеймом 1569 г. Сигизмунд II издал манифест, призывающий всех монархов бороться с «*нарвским плаванием*», и нанял для этого эскадру Яна Мункебена из 14 кораблей. На море развернулась война каперов — морских пиратов, которые нанимались на государственные деньги и топили суда исключительно враждебных держав. Датские каперы гонялись за шведскими судами, поляки и шведы захватывали всех, кто плыл в русскую Нарву. У Ивана IV не было своего морского флота, но немного позже он нанял отряд датских каперов.

Стороны продолжали обмениваться ударами, но никто не мог достичь решительного перевеса. Успех сопутствовал то одним, то другим. В июне 1569 г. датчане атаковали с моря Ревель, бомбардировали его, в Финском заливе уничтожили почти 90 малых шведских судов. Осенью 1569 г. шведы нанесли ответный удар, атаковав крепость Варбек.

Такое течение событий свидетельствовало о равенстве сил сторон. Никому не удалось добиться заметного преимущества за семь лет войны. Поэтому 13 декабря 1570 г. был подписан Штеттинский мир. Стороны договаривались о восстановлении довоенных границ, датчане возвращали шведам Эльвеборг, но получали за него выкуп. «Первая Северная война», как иногда называют этот конфликт, закончилась.

Выводы

Период 1561–1570 гг. был особой фазой борьбы за Ливонию. В военном отношении он состоял из двух войн — русско-литовской 1561–1570 гг. и датско-шведской 1563–1570 гг. Обе войны были закончены перемириями на определенный срок.

Россия сумела нанести Великому княжеству Литовскому ряд существенных поражений, главным из которых было взятие Полоцка в 1563 г. Война, несомненно, проходила при русском преимуществе, и можно сказать, что Россия ее выиграла. Договором 1570 г. был сделан первый шаг к легитимизации вхождения Полоцка в состав России — Речь Посполитая, естественно, его не признавала, но закончила войну и заключила перемирие. Собственно, присоединение Северщины и Смоленска в предыдущие годы происходило по таким же сценариям, так что у Ивана Грозного были все основания смотреть в будущее с оптимизмом.

Другое дело, что Люблинской унией 1569 г., которая была подписана под несомненным влиянием военного поражения Великого княжества Литовского, был заложен будущий стремительный рост военного потенциала противников России в результате объединения княжества и Польши, что скажется в конце 1570-х гг., в ходе Московской войны 1579–1582 гг., которая в конечном итоге привела к победе войск короля Стефана Батория.

Что же касается датско-шведской войны, то ни одна из сторон не сумела извлечь из нее особенных выгод, добиться доминирования на Балтике. В результате конфликта только наметились новые противоречия.

Литература

Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. — М., 1994.

Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного // История внешней политики России. Конец XV–XVII век. — М., 1999. — С. 134–246.

Королюк В. Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. — М., 1954.

Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. — СПб., 2013.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. — М., 1999.

Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений в середине XVI века. — М., 2003.

Янушкевич А. Н. Ливонская война 1558–1570 гг. и Великое княжество Литовское. — Минск, 2013.